

И/Арт/ 15-12

Р. КИПЛИНГ
Сказки

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Б И Б Л И О Т Е Ч Н А Я С Е Р И Я

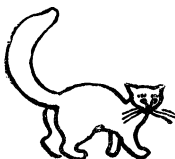
Р. КИПЛИНГ

СКАЗКИ

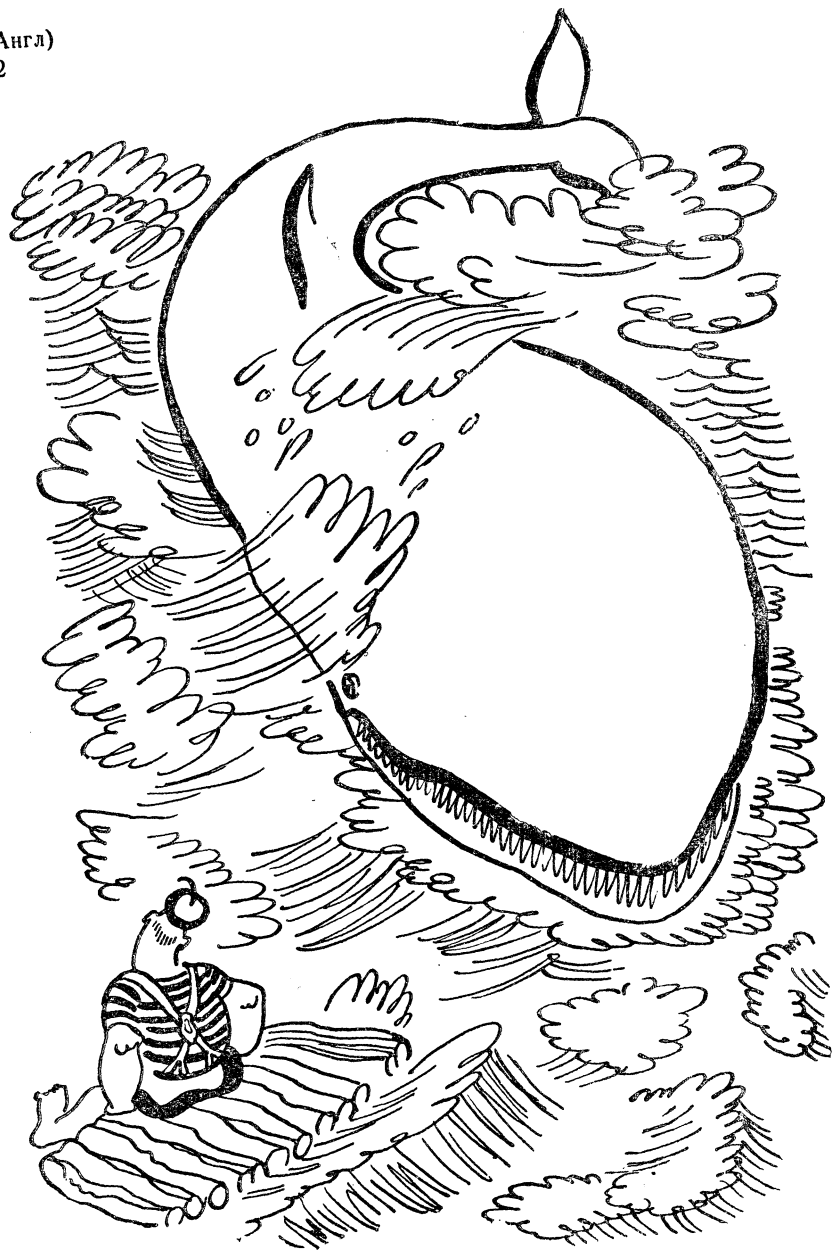

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО
К. ЧУКОВСКОГО
СТИХИ В ПЕРЕВОДЕ
С. МАРШАКА

Рисунки В. ДУВИДОВА

Москва „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“ 1975

Откуда у Кита такая глотка

Э то было давно, мой милый мальчик. Жил-был Кит. Он плавал по морю и ел рыбу. Он ел и лещей, и ершей, и белугу, и севрюгу, и селёдку, и селёдкину тётку, и плотичку, и её сестричку, и шустрого, быстрого выюна-вертуна угря. Какая рыба попадётся, ту и съест. Откроет рот, ам — и готово!

Так что в конце концов во всём море уцелела одна только Рыбка, да и та Малютка-Колюшка. Это была хитрая Рыбка. Она плавала рядом с Китом, у самого его правого уха, чуть-чуть позади, чтобы он не мог её глотнуть. Только тем и спасалась. Но вот он встал на свой хвост и сказал:

— Есть хочу!

И маленькая хитренькая Рыбка сказала ему маленьким хитреньким голосом:

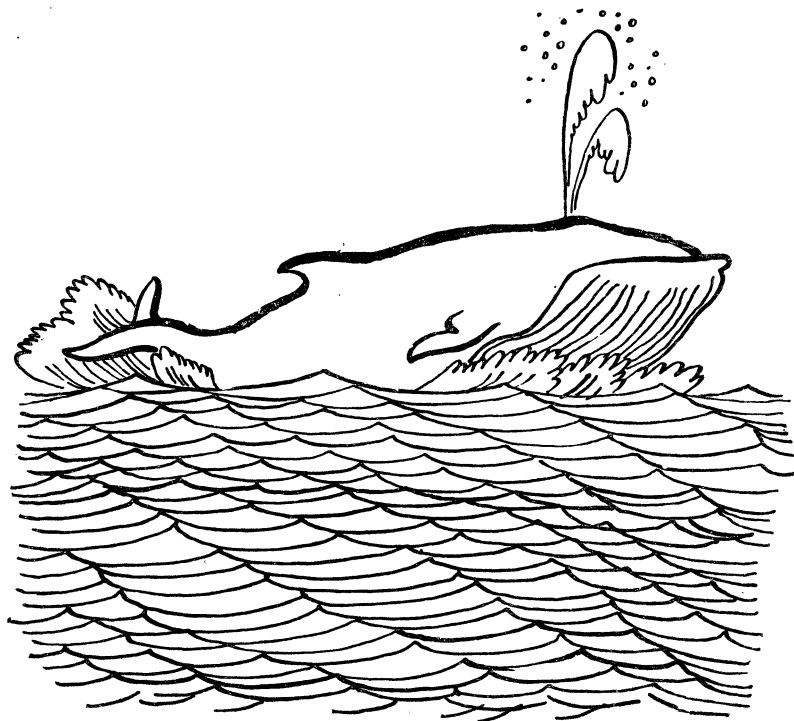
— Не пробовало ли ты Человека, благородное и великодушное Млекопитающее?

— Нет,— ответил Кит.— А каков он на вкус?

— Очень вкусный,— сказала Рыбка.— Вкусный, но немного колючий.

— Ну, так принеси мне их сюда с полдесятка,— сказал Кит и так ударил хвостом по воде, что всё море покрылось пеной.

— Хватит тебе и одного! — сказала Малютка-Колюшка.— Плыви к сороковому градусу северной широты и к пятидесятому градусу западной долготы (эти слова волшебные), и ты увидишь среди моря плот. На плоту сидит Моряк. Его корабль пошёл ко дну. Только и одежи на нём, что синие холщовые штаны да подтяжки (не забудь про эти подтяжки, мой мальчик!) да охотничий нож. Но я должна сказать те-

бе по совести, что этот человек очень находчивый, умный и храбрый.

Кит помчался что есть силы. Плыл, плыл и доплыл куда сказано: до пятидесятого градуса западной долготы и сорокового градуса северной широты. Видит, и правда: посреди моря — плот, на плоту — Моряк, и больше никого. На Моряке синие холщовые штаны да подтяжки (смотри же, мой милый, не забудь про подтяжки!) да сбоку у пояса охотничий нож, и больше ничего. Сидит Моряк на плоту, а ноги свесил в воду. (Его Мама позволила ему болтать голыми нога-

ми в воде, иначе он не стал бы болтаться, потому что был очень умный и храбрый.)

Рот у Кита открывался всё шире, и шире, и шире и открылся чуть не до самого хвоста. Кит проглотил и Моряка, и его плот, и его синие холщовые штаны, и подтяжки (пожалуйста, не забудь про подтяжки, мой милый!), и даже охотничий нож.

Всё провалилось в тот тёплый и тёмный чулан, который называется желудком Кита. Кит облизнулся — вот так! — и три раза повернулся на хвосте.

Но как только Моряк, очень умный и храбрый, очутился в тёмном и тёплом чулане, который называется желудком Кита, он давай кувыркаться, брыкаться, кусаться, лягаться, колотить, молотить, хлопать, топтать, стучать, бренчать и в таком неподходящем месте заплясал трепака, что Кит почувствовал

себя совсем нехорошо. (Надеюсь, ты не забыл про подтяжки?)

И сказал он Малютке-Колюшке:

— Не по нутру мне человек, не по вкусу. У меня от него икота. Что делать?

— Ну, так скажи ему, чтобы выпрыгнул вон,— посоветовала Малютка-Колюшка.

Кит крикнул в свой собственный рот:

— Эй, ты, выходи! И смотри веди себя как следует. У меня из-за тебя икота.

— Ну нет,— сказал Моряк,— мне и тут хорошо! Вот если ты отвезёшь меня к моим родным берегам, к белым утёсам Англии, тогда я, пожалуй, подумаю, выходить мне или оставаться.

И он ещё сильнее затопал ногами.

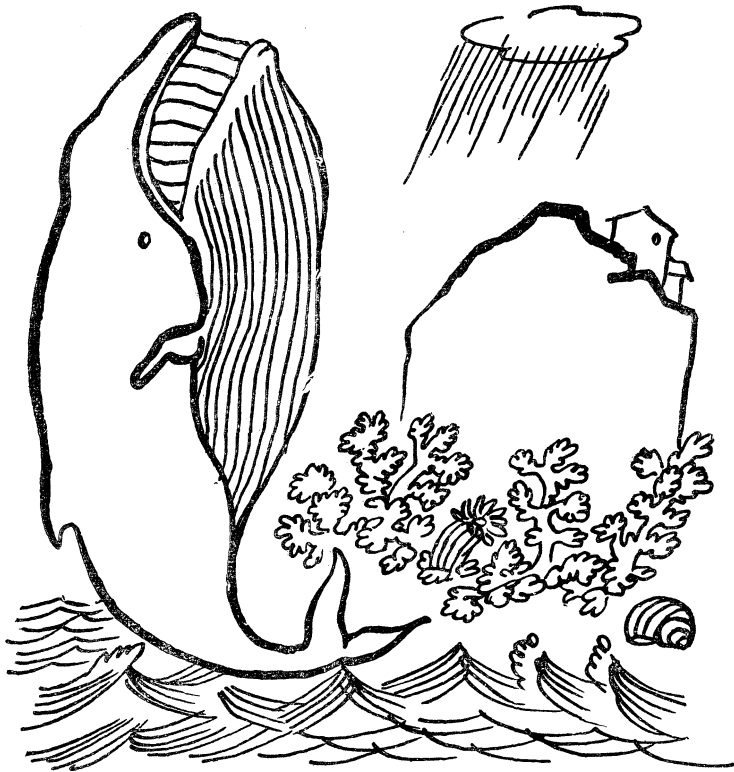
— Нечего делать, вези его домой,— сказала хитрая Рыбка Кита. — Ведь я говорила тебе, что он очень умный и храбрый.

Кит послушался и пустился в путь. Он плыл, и плыл, работая всю дорогу хвостом и двумя плавниками, хотя ему сильно мешала икота.

Наконец вдали показались белые утёсы Англии. Кит подплыл к самому берегу и стал раскрывать свою пасть — всё шире, и шире, и шире, и шире — и сказал Человеку:

— Пора выходить. Пересадка. Ближайшие станции: Винчестер, Ашуэлот, Нашуа, Кини и Фичборо.

Чуть он сказал: «Фич!» — изо рта у него выпрыгнул Моряк. Этот Моряк и вправду был очень умный и храбрый. Сидя в животе у Кита, он не терял времени даром: ножиком расколол свой плот на тонкие лучинки, сложил их крест-накрест и крепко связал подтяжками (теперь ты понимаешь, почему тебе не следовало забывать про подтяжки!), и у него получилась

решётка, которой он и загородил Киту горло. При этом он сказал волшебные слова. Ты этих слов не слышал, и я с удовольствием скажу их тебе. Он сказал:

Поставил я решётку,
Киту заткнул я глотку.

С этими словами он прыгнул на берег, на мелкие камешки, и зашагал к своей Маме, которая позволяла ему ходить по воде босиком. Потом он женился, и стал жить-поживать, и был очень счастлив. Кит тоже

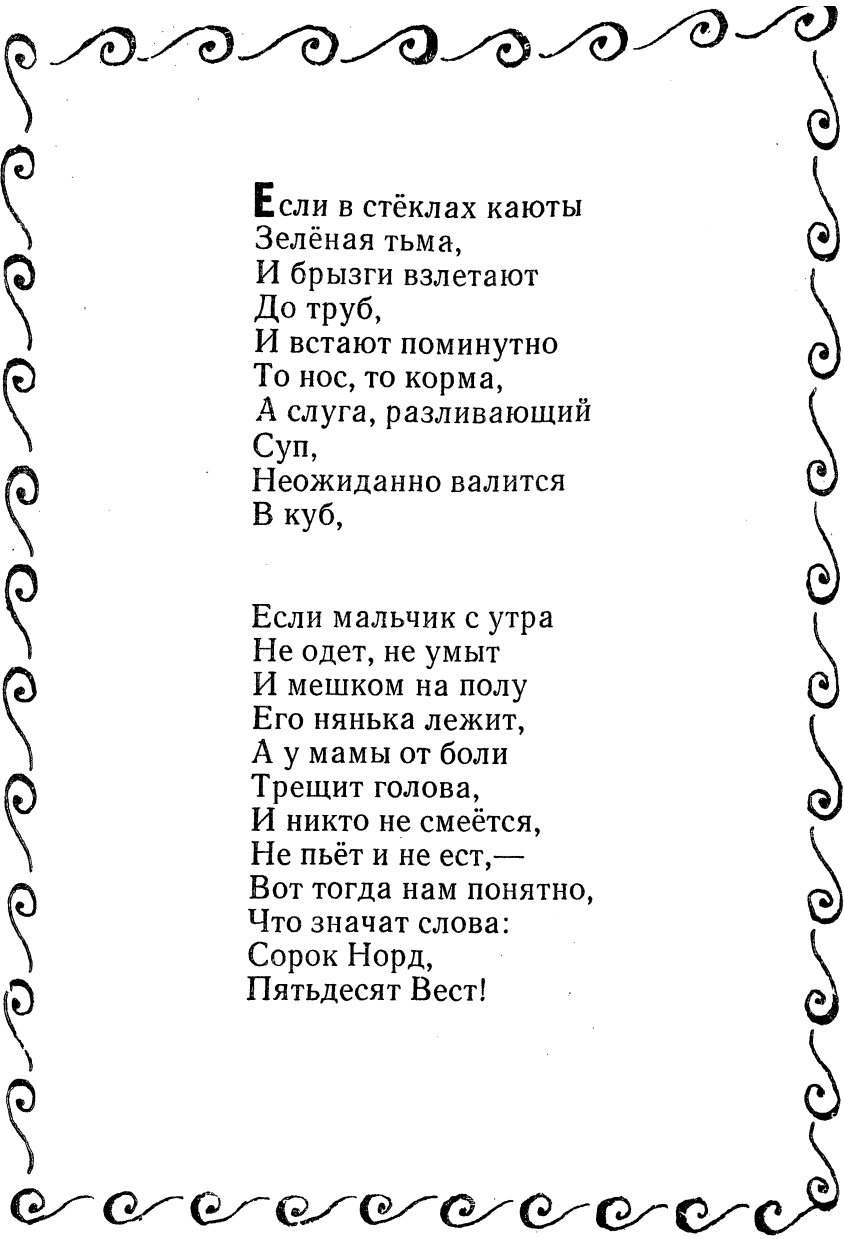
женился, и тоже был очень счастлив. Но с этого дня и во веки веков у него в горле стояла решётка, которую он не мог ни проглотить, ни выплюнуть. Из-за этой решётки к нему в горло попадала только мелкая рыбёшка. Вот почему в наше время Киты уже не глотают людей. Они не глотают даже маленьких мальчиков и маленьких девочек.

А хитрая Рыбка уплыла и спряталась в тине, под самым порогом Экватора. Она думала, что Кит рассердился, и боялась показаться ему на глаза.

Моряк захватил с собою свой охотничий нож. Синие холщовые штаны всё ещё были на нём, когда он шагал по камешкам у самого моря. Но подтяжек на нём уже не было. Они остались в горле у Кита. Ими были связаны лучинки, из которых Моряк сделал решётку.

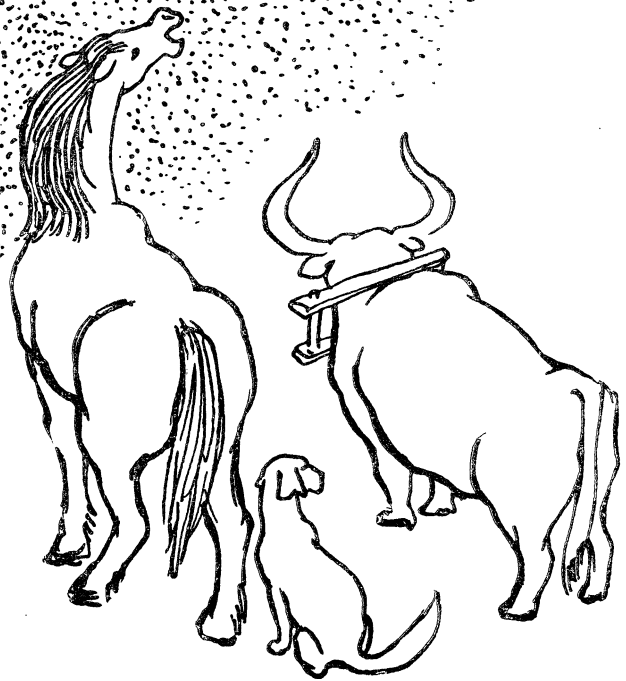
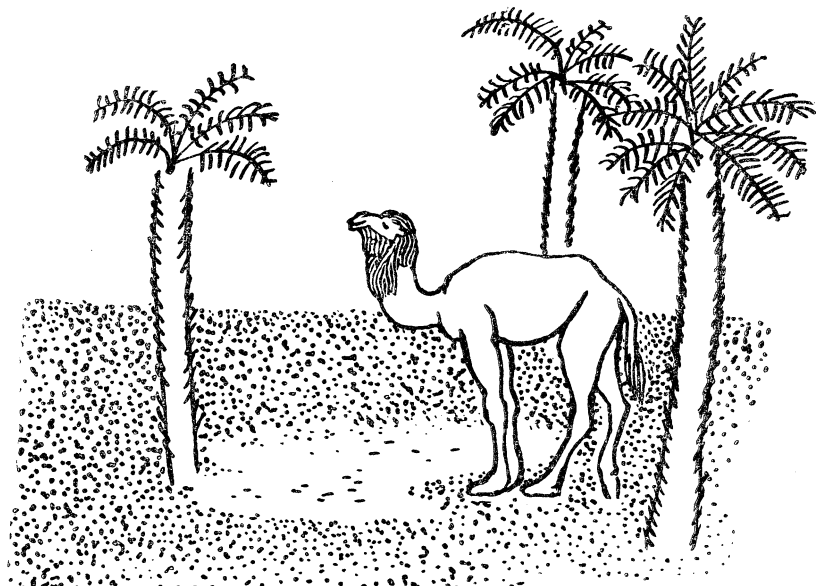
Вот и всё. Этой сказке конец.

Если в стёклах каюты
Зелёная тьма,
И брызги взлетают
До труб,
И встают поминутно
То нос, то корма,
А слуга, разливающий
Суп,
Неожиданно валится
В куб,

Если мальчик с утра
Не одет, не умыт
И мешком на полу
Его нянька лежит,
А у мамы от боли
Трещит голова,
И никто не смеётся,
Не пьёт и не ест,—
Вот тогда нам понятно,
Что значат слова:
Сорок Норд,
Пятьдесят Вест!

Отчего у Верблюда горб

Вот ещё одна сказка, и в ней я хочу рассказать, откуда взялся на спине у Верблюда такой большой горб.

В самые первые годы, давно-давно, вся земля была новенькая, только что сделанная. Животные с первых же дней стали служить Человеку. Но в Ужасно-Унылой Пустыне жил Ужасно-Унылый Верблюд, который и не думал работать. Он ел сухие колючки, жёсткие ветки, тамариск, терновник и кору, но работать ни за что не хотел — такой бессовестный бездельник и лентяй! И что бы ни говорили ему, он на всё отвечал:

— Гррб!

Только «Гррб» — и больше ничего.

Вот однажды, в понедельник утром, пришёл к нему Конь. На спине у Коня было седло, в зубах уздечка.

— Верблюд, о Верблюд! — сказал он. — Ступай к Человеку и начни бегать рысью, как мы.

— Гррб! — ответил Верблюд, а Конь пошёл к Человеку и рассказал ему всё.

Вскоре после этого к Верблуду пришёл Пёс. В зубах у него была палка. Он пришёл и сказал:

— Верблюд, о Верблюд! Иди к Человеку, научись ходить вместе с ним на охоту, как мы.

— Гррб! — ответил Верблюд, а Пёс пошёл к Человеку и рассказал ему всё.

Вскоре после этого пришёл к Верблуду Бык. На шее у Быка было ярмо. Он сказал:

— Верблюд, о Верблюд! Иди к Человеку и паши землю, как мы.

— Гррб! — ответил Верблюд, а Бык пошёл к Человеку и рассказал ему всё.

Вечером Человек позвал Коня, Пса и Быка и сказал:

— Конь, Пёс и Бык, мне очень вас жалко (ведь мир был совсем ещё новенький!), но зверь, который кричит «Гррб» в той Пустыне, не способен ни к какой работе, а то бы он давно пришёл ко мне. Пусть себе живёт в своей Пустыне, я не трону его, но вам придётся работать вдвойне — и за себя и за него.

Тогда Конь, Пёс и Бык очень рассердились (ведь мир был ещё очень новый!). Они отправились к самому краю Пустыни и стали громко обсуждать, что им делать, и лаяли, и ржали, и мычали.

К ним подошёл Верблюд — бессовестный бездельник и лентяй! — и, лениво пережёвывая сухую траву, стал насмехаться над ними. Потом он сказал «Гррб» и удалился.

Мимо по дороге мчался в туче пыли Джинн, Владыка Всех Пустынь. (Джинны всегда путешествуют так, потому что они чародеи.) Он остановился поболтать с Конём, Псом и Быком.

— Владыка Всех Пустынь! — сказал Конь. — Кто имеет право бездельничать, если мир такой новый и в нём ещё так много работы?

— Никто, — ответил Джинн.

— А вот, — сказал Конь, — в твоей Ужасно-Унылой Пустыне живёт Ужасно-Унылый Зверь, с длинной шеей, с длинными ногами, который с самого утра, с понедельника, не подумал взяться за работу. Не желает бегать рысью — ни за что!

— Фью! — свистнул Джинн. — Да это мой Верблюд, клянусь золотом Аравийской земли! Что же он говорит?

— Он говорит одно слово: «Гррб», — сказал Пёс. —

«Гррб» — и больше ничего. И не желает помогать Человеку охотиться.

— А что ещё он говорит? — спросил Джинн.

— Больше ничего, только «Гррб», и не желает пахать, — ответил Бык.

— Отлично! — воскликнул Джинн. — Пожалуй-ста, подождите минутку, я сейчас покажу ему «Гррб».

Он завернулся в свой плащ из пыли и помчался в Пустыню. Там он нашёл Верблюда. Тот стоял и любовался своим отражением в луже — бессовестный лентяй и бездельник.

— Мой лукавый длинноногий друг, — сказал Джинн, — я слышал, что ты не желаешь работать в нашем новом-новёхоньком мире. Что это значит?

— Гррб! — ответил Верблюд.

Джинн сел на песок и, опершись подбородком на руку, принялся колдовать, а Верблюд стоял и как ни в чём не бывало любовался своим отражением в луже.

— Конь, Бык и Пёс работали с самого утра, с понедельника, и работали больше, чем надо, оттого, что ты такой бессовестный лентяй и бездельник, — сказал Джинн.

И он опять опёрся рукой о подбородок и продолжал колдовать.

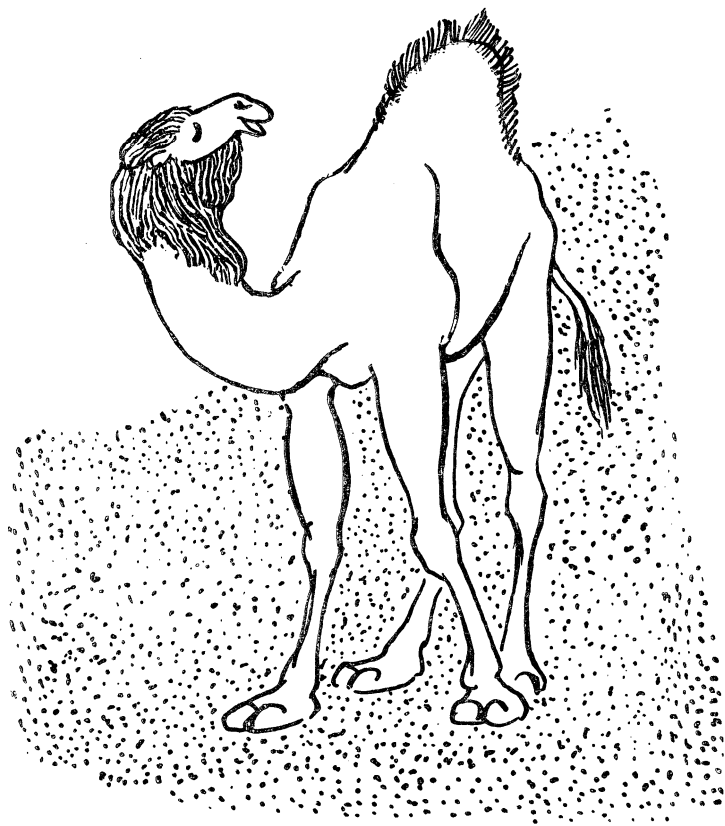
— Гррб! — повторил Верблюд.

— И как тебе не надоест это слово? Который раз ты повторяешь его? Бессовестный лентяй и бездельник, я хочу, чтобы ты стал работать!

— Гррб! — повторил Верблюд.

И вдруг спина, которой он так гордился, начала у него пухнуть, и пухла, и пухла, и у него вздулся огромный твёрдый горб.

— Полюбуйся! — сказал Джинн. — Это тот самый «Гррб», о котором ты постоянно твердишь. Он вырос у тебя оттого, что ты бессовестный лентяй и бездель-

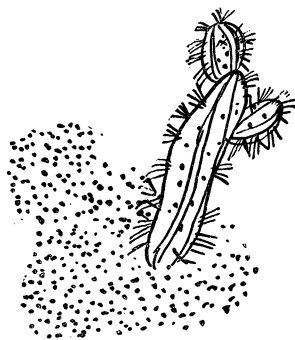
ник. Работа началась с понедельника, сегодня четверг, а ты до сих пор ещё не принялся за работу. Но теперь ты начнёшь работать!

— Как же я буду работать, если у меня огромнейший Гррб? — спросил Верблюд.

— А это тебе в наказание! — ответил Джинн. — За то, что ты прогулял трое суток. Но теперь ты можешь работать три дня без всякой пищи потому, что ты будешь есть свой собственный Гррб. Жил же ты

три дня одним только «Гррб». После этого, я надеюсь, ты не станешь говорить, что я о тебе не забочусь. А теперь уходи из Пустыни, ступай к Коню, Псу и Быку и смотри веди себя хорошо.

И пошёл Верблюд со своим горбом к Коню, Псу и Быку. И до сих пор он таскает на спине свой горб (мы не говорим уже «Гррб», мы говорим «горб», чтобы не обидеть Верблюда), и до сих пор он не может наверстать те три дня, которые он прогулял вначале, когда земля была новая, и до сих пор он не может научиться, как нужно себя вести.

Горб
Верблюжий,
Такой неуклюжий,
Видал я в зверинце не раз.
Но горб
Ещё хуже,
Ещё неуклюжей
Растёт у меня и у вас.

У всех,
Кто слоняется праздный,
Немытый, нечёсанный, грязный,
Появится
Горб,
Невиданный горб,
Мохнатый, кривой, безобразный.

Мы спим до полудня
И в праздник и в будни,
Проснёмся и смотрим уныло,
Мяукаем, лаем,
Вставать не желаем
И злимся на губку и мыло.

Скажите, куда
Бежать от стыда,
Где спрячете горб свой позорный,
Невиданный
Горб,
Неслышанный
Горб,
Косматый, мохнатый и чёрный!

Совет мой такой:
Забыть про покой
И бодро заняться работой,
Не киснуть, не спать,
А землю копать,
Копать до десятого пота.

И ветер, и зной,
И дождь проливной.
И голод, и труд благотворный
Разглядят ваш горб,
Невиданный горб,
Косматый, мохнатый и чёрный!

Откуда у Носорога шкура

В некотором царстве, в некотором государстве, на Красном море, у самого берега, стоял Необитаемый остров. На острове жил парс, а у парса была шапка, и она блестела на солнце, как солнце. Только и было добра у парса, что шапка, да нож, да печка,— а вам печку трогать руками нельзя.

И вот один раз взял парс изюму, и муки, и воды, и слив, и сахару, и всякой всячины, смешал всё в кучу и сделал себе пирог, великолепнейший волшебный пирог в двадцать сантиметров длины, тридцать сантиметров ширины; и поставил его на печку: ему, значит, можно было подходить к этой печке. И так он пёк этот пирог, что тот зарумянился, и дух от него пошёл восхитительный.

Но только парс открывает рот и хочет съесть свой пирог, смотрит — идёт Носорог; а у Носорога на носу рог, и глазки у него поросячьи, и манеры у него очень плохие.

В те времена Носороги носили шкуру в обтяжку, без единой складочки, и очень смахивали на деревянных, игрушечных, только были, понятно, крупнее. Всё же они и теперь невоспитанные, и прежде были невоспитанные, и всегда будут невоспитанные.

Носорог сказал:

— Угу!

И покинул парс пирог, и бросился к пальме, и, в чём был, полез на верхушку; а был он в одной только шапке, и шапка блестела на солнце, как солнце.

И ткнул Носорог его печку носом, и печка перевернулась вверх дном, и покатился пирог по песку, и поддел Носорог пирог на рог и стал его есть, а съевши,

ушёл в безлюдную, необитаемую пустыню, по соседству с островами Мазандеран, Сокотра и мысами Великого Равноденствия.

Тогда парс слез с дерева, поставил печку на ножки и проговорил такое заклятие:

Если шкура тебе дорога,
Не бери пирога на рога.

И, ах, — это было неспроста!

Потому что прошло пять недель, и в Красном море наступила жара, и каждый стал сбрасывать с себя всю одежду. Парс сбросил с себя шапку, а Носорог шкуру, перекинул её через плечо и пошёл купаться. Тогда ещё шкура у Носорога застёгивалась на животе на три пуговицы и была похожа на резиновый плащ.

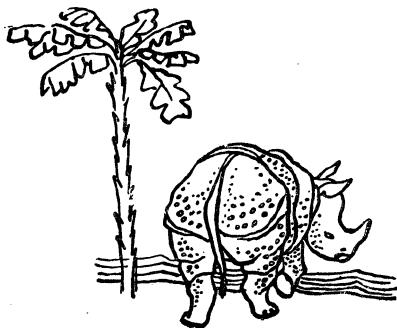
Встретив парса, Носорог ни слова не сказал о его пироге, потому что, повторяю, он был очень невоспитанный — прежде, теперь и всегда. Переваливаясь, он прямо полез в воду и стал пускать через нос пузыри, а шкуру оставил на берегу.

Идёт парс мимо и видит — шкура. Улыбнулся парс хитрой улыбкой — и раз; и другой. Потом трижды протанцевал вокруг шкуры, потирая от радости руки.

Потом он бросился к своему жилью и набрал полную шапку крошек, оставшихся от пирога. Парс только и ел, что пироги, а крошек никогда не выметал. И он взял эту шкуру, и он смял эту шкуру, и потёр эту шкуру, и простёр эту шкуру, и набил её снизу доверху засохшими, жёсткими, чёрствыми, колючими крошками и горелыми изюминками. Потом взобрался на свою высокую пальму и стал поджидать, чтобы Носорог вышел из воды и напялил свою шкуру на себя.

Носорог так и сделал. Он застегнулся на три пуговицы, и тотчас же его зацарапало, как царапают крошки в кровати. Ему захотелось почесаться, но от этого стало еще хуже. Грохнулся он тогда об землю и пошёл кататься по земле, и катался, и катался, и катался, и чем больше катался, тем больше донимали его крошки — и всё хуже, и хуже, и хуже. Кинулся Носорог к пальме и стал тереться об неё, и тёрся, и тёрся, и тёрся. И так долго он тёрся, и так сильно он тёрся, что натёр себе на шкуре большую складку — одну над плечами, и другую складку на животе, где прежде были пуговицы (но он оттёр эти пуговицы прочь), и ещё натёр складки у себя на ногах. И это очень испортило его характер, но не избавило его от крошек. Крошки остались у него за шкурой и царапали как ни в чём не бывало. И он пошёл домой весь ицарапанный и ужасно сердитый. И с тех пор до сего дня у каждого Носорога очень толстые складки на шкуре и очень скверный характер, и всё потому, что за шкурой у него крошки от пирога.

А парс спустился с пальмы, нахлобучил шапку, блестящую на солнце, как солнце, и ушёл с того места прочь по направлению к Оротава, Амигдале, Верхним Долинам Анантариво и Болотам Сонапута.

Э то только теперь, милый мой мальчик, у Слона есть хобот. А прежде, давным-давно, никакого хобота не было у Слона. Был только нос, вроде как лепёшка, чёрненький и величиною с башмак. Этот нос болтался во все стороны, но всё же никуда не годился: разве можно таким носом поднять что-нибудь с земли?

Но вот в то самое время, давным-давно, жил один такой Слон, или, лучше сказать, Слонёнок, который был страшно любопытен, и кого, бывало, ни увидит, ко всем пристаёт с расспросами. Жил он в Африке, и ко всей Африке приставал он с расспросами.

Он приставал к Страусихе, своей долговязой тётке, и спрашивал её, отчего у неё на хвосте перья растут так, а не этак, и долговязая тётка Страусиха давала ему за то тумака своей твёрдой-претвёрдой ногой.

Он приставал к своему длинноногому дяде Жирафу и спрашивал его, отчего у него на шкуре пятна, и длинноногий дядя Жираф давал ему за то тумака своим твёрдым-претвёрдым копытом.

Но и это не отбивало у него любопытства.

И он спрашивал свою толстую тётку Бегемотиху, отчего у неё такие красные глазки, и толстая тётка Бегемотиха давала ему за то тумака своим толстым-претолстым копытом.

Но и это не отбивало у него любопытства.

Он спрашивал своего волосатого дядю Павиана, почему все дыни такие сладкие, и волосатый дядя Павиан давал ему за то тумака своей мохнатой, волосатой лапой.

Но и это не отбивало у него любопытства.

Что бы он ни увидел, что бы он ни услышал, что бы ни понюхал, до чего бы ни дотронулся,— он тотчас же спрашивал обо всём и тотчас же получал тумачи от всех своих дядей и тёток.

Но и это не отбивало у него любопытства.

И случилось так, что в одно прекрасное утро, незадолго до равноденствия, этот самый Слонёнок — надоеда и приставала — спросил об одной такой вещи, о которой он ещё никогда не спрашивал. Он спросил:

— Что кушает за обедом Крокодил?

Все испуганно и громко закричали:

— Тс-с-с-с!

И тотчас же, без дальних слов, стали сыпать на него тумачи.

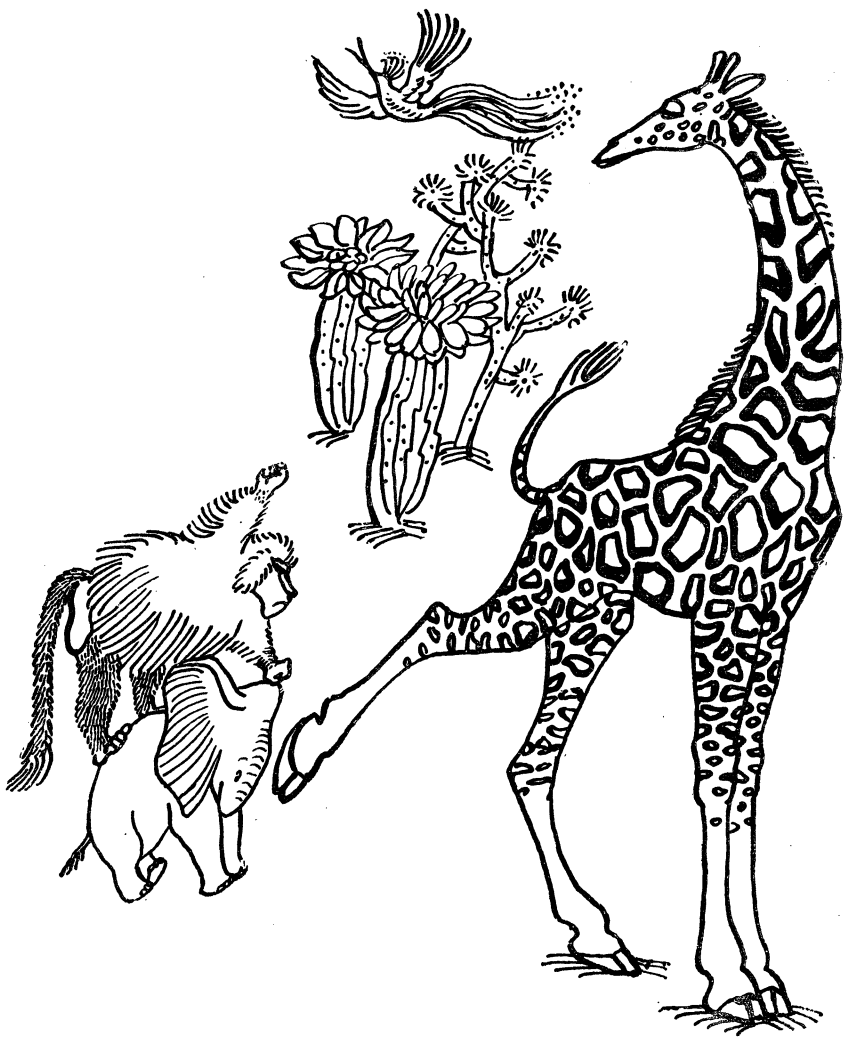
Били его долго, без передышки, но, когда кончили бить, он сейчас же подбежал к птичке Колоколо, сидевшей в колючем терновнике, и сказал:

— Мой отец колотил меня, и моя мать колотила меня, и все мои тётки колотили меня, и все мои дяди колотили меня за несносное моё любопытство, и всё же мне страшно хотелось бы знать, что кушает за обедом Крокодил?

И сказала птичка Колоколо печальным и громким голосом:

— Ступай к берегу сонной, зловонной, мутно-зелёной реки Лимпопо; берега её покрыты деревьями, которые нагоняют на всех лихорадку. Там ты узнаешь всё.

На следующее утро, когда от равноденствия уже ничего не осталось, этот любопытный Слонёнок набрал бананов — целых сто фунтов! — и сахарного тростнику — тоже сто фунтов! — и семнадцать зеленых дынь, из тех, что хрустят на зубах, взвалил всё это на плечи и, пожелав своим милым родичам счастливо оставаться, отправился в путь.

— Прощайте! — сказал он им. — Я иду к сонной, зловонной, мутно-зелёной реке Лимпопо; берега её покрыты деревьями, которые нагоняют на всех лихорадку, и там я во что бы то ни стало узнаю, что кушает за обедом Крокодил.

И родичи ещё раз хорошенько вздули его на прощание, хотя он чрезвычайно учтиво просил их не беспокоиться.

И он ушёл от них, слегка потрёпанный, но не очень удивлённый. Ел по дороге дыни, а корки бросал на землю, так как подбирать эти корки ему было нечем. Из города Грэма он пошёл в Кимберлей, из Кимберлея в Хамову землю, из Хамовой земли на восток и на север и всю дорогу угощался дынями, покуда наконец не пришёл к сонной, зловонной, мутно-зелёной реке Лимпопо, окружённой как раз такими деревьями, о каких говорила ему птичка Колоколо.

А надо тебе знать, мой милый мальчик, что до той самой недели, до того самого дня, до того самого часа, до той самой минуты наш любопытный Слононок никогда не видал Крокодила и даже не знал, что это такое. Представь же себе его любопытство!

Первое, что бросилось ему в глаза, — был Двуцветный Питон, Скалистый Змей, обвинившийся вокруг какой-то скалы.

— Извините, пожалуйста! — сказал Слононок чрезвычайно учтиво. — Не встречался ли вам где-нибудь поблизости Крокодил? Здесь так легко заблудиться.

— Не встречался ли мне Крокодил? — презрительно переспросил Двуцветный Питон, Скалистый Змей. — Нашёл о чём спрашивать!

— Извините, пожалуйста! — продолжал Слононок. — Не можете ли вы сообщить мне, что кушает Крокодил за обедом?

Тут Двуцветный Питон, Скалистый Змей, не мог уже больше удержаться, быстро развернулся и огромным хвостом дал Слононку тумака. А хвост у него был как молотильный цеп и весь покрыт чешуёю.

— Вот чудеса! — сказал Слононок. — Мало того

что мой отец колотил меня, и моя мать колотила меня, и мой дядя колотил меня, и моя тётка колотила меня, и другой мой дядя, Павиан, колотил меня, и другая моя тётка, Бегемотиха, колотила меня, и все как есть колотили меня за ужасное моё любопытство,— здесь, как я вижу, начинается та же история.

И он очень учтиво попросился с Двухцветным Питоном, Скалистым Змеем, помог ему опять обмотаться вокруг скалы и пошёл себе дальше; его порядком потрепали, но он не очень дивился этому, а снова взялся за дыни и снова бросал корки на землю — потому что, повторяю, чем бы он стал поднимать их? — и скоро набрёл на какое-то бревно, валявшееся у самого берега сонной, зловонной, мутно-зелёной реки Лимпопо, окружённой деревьями, нагоняющими на всех лихорадку.

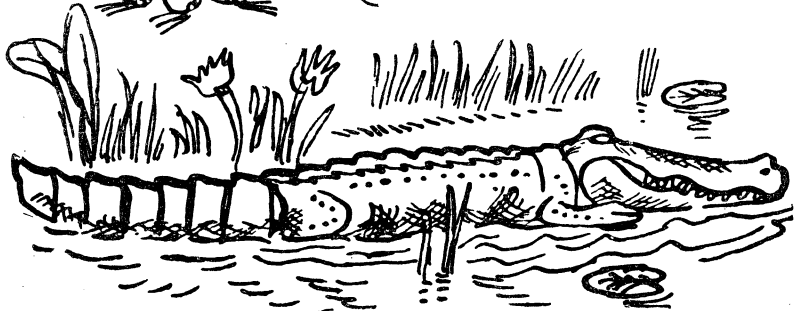
Но на самом деле, мой милый мальчик, это было не бревно, это был Крокодил. И подмигнул Крокодил одним глазом — вот так!

— Извините, пожалуйста! — обратился к нему Слонёнок чрезвычайно учтиво.— Не случилось ли вам встретить где-нибудь поблизости в этих местах Крокодила?

Крокодил подмигнул другим глазом и высунул наполовину свой хвост из воды. Слонёнок (опять-таки очень учтиво!) отступил назад, потому что ему не хотелось получить нового тумака.

— Подойди-ка сюда, моя крошка! — сказал Крокодил.— Тебе, собственно, зачем это надобно?

— Извините, пожалуйста! — сказал Слонёнок чрезвычайно учтиво.— Мой отец колотил меня, и моя мать колотила меня, моя долговязая тётка Страусиха колотила меня, и мой длинноногий дядя Жираф колотил меня, моя другая тётка, толстая Бегемотиха, колотила меня, и другой мой дядя, мохнатый Павиан,

колотил меня, и Питон Двухцветный, Скалистый Змей, вот только что колотил меня больно-пребольно, и теперь — не во гнев будь вам сказано — я не хотел бы, чтобы меня колотили опять.

— Подойди сюда, моя крошка, — сказал Крокодил, — потому что я и есть Крокодил.

И он стал проливать крокодиловы слёзы, чтобы показать, что он и вправду Крокодил.

Слонёнок ужасно обрадовался. У него захватило дух, он упал на колени и крикнул:

— Вас-то мне и нужно! Я столько дней разыскиваю вас! Скажите мне, пожалуйста, скорее, что кушаете вы за обедом?

— Подойди поближе, я шепну тебе на ушко.

Слонёнок нагнул голову близко-близко к зубастой, клыкастой крокодиловой пасти, и Крокодил схватил его за маленький носик, который до этой самой недели, до этого самого дня, до этого самого часа, до этой самой минуты был ничуть не больше башмака.

— Мне кажется,— сказал Крокодил, и сказал сквозь зубы, вот так,— мне кажется, что сегодня на первое блюдо у меня будет Слонёнок.

Слонёнку, мой милый мальчик, это страшно не понравилось, и он проговорил через нос:

— Пусдите бедя, бде очедь больдо! (Пустите меня, мне очень больно!)

Тут Двухцветный Питон, Скалистый Змей, приблизился к нему и сказал:

— Если ты, о мой юный друг, тотчас же не отпрянешь назад, сколько хватит у тебя твоей силы, то моё мнение таково, что не успеешь ты сказать «раз, два, три!», как вследствие твоего разговора с этим кожаным мешком (так он величал Крокодила) ты попадёшь туда, в ту прозрачную водяную струю...

Двухцветные Питоны, Скалистые Змеи, всегда говорят вот так.

Слонёнок сел на задние ножки и стал тянуть. Он тянул, и тянул, и тянул, и нос у него начал вытягиваться. А Крокодил отступил подальше в воду, вспенил её, как сбитые сливки, тяжёлыми ударами хвоста, и тоже тянул, и тянул, и тянул.

И нос у Слонёнка вытягивался, и Слонёнок растопырил все четыре ноги, такие крошечные слоновьи ножки, и тянул, и тянул, и тянул, и нос у него всё вытягивался. А Крокодил бил хвостом, как веслом, и тоже тянул, и тянул, и чем больше он тянул, тем длиннее вытягивался нос у Слонёнка, и больно было этому носу у-ж-ж-жас-но! И вдруг Слонёнок почувствовал,

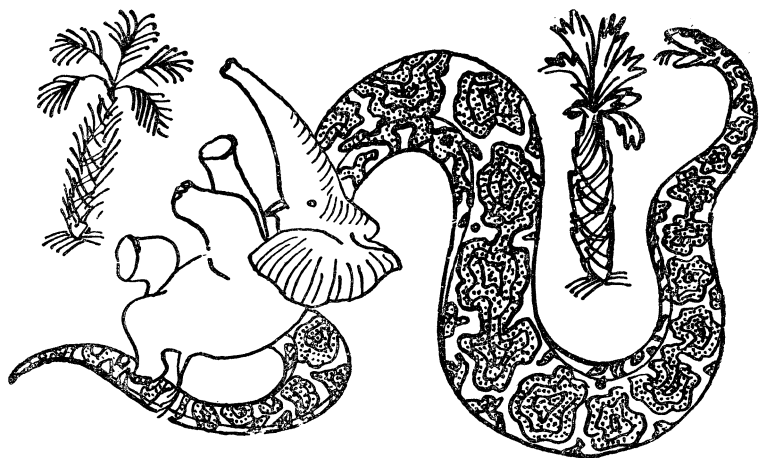
что ножки его заскользили по земле, и он вскрикнул через нос, который сделался у него чуть не в пять футов длиною:

— Довольдо! Осавьде! Я больше де богú!

Услышав это, Двуцветный Питон, Скалистый Змей, бросился вниз со скалы, обмотался двойным узлом вокруг задних ног Слонёнка и сказал:

— О неопытный и легкомысленный путник! Мы должны понатужиться сколько возможно, ибо впечатление моё таково, что этот военный корабль с живым винтом и бронированной палубой — так величал он Крокодила — хочет загубить твоё будущее...

Двуцветные Питоны, Скалистые Змеи, всегда выражаются так.

И вот тянет Змей, тянет Слонёнок, но тянет и Крокодил. Тянет, тянет, но так как Слонёнок и Двуцветный Питон, Скалистый Змей, тянут сильнее, то Крокодил в конце концов должен выпустить нос Слонёнка, и Крокодил отлетает назад с таким плеском, что слышно по всей Лимпопо.

А Слонёнок как стоял, так и сел и очень больно ударился, но всё же успел сказать Двуцветному Питону, Скалистому Змею, спасибо, а потом принялся ухаживать за своим вытянутым носом: обернул его холодноватыми листьями бананов и опустил в воду сонной, мутно-зелёной реки Лимпопо, чтобы он хоть немного остыл.

— К чему ты это делаешь? — сказал Двуцветный Питон, Скалистый Змей.

— Извините, пожалуйста! — сказал Слонёнок. — Нос у меня потерял прежний вид, и я жду, чтобы он опять стал коротеньким.

— Долго же тебе придётся ждать,— сказал Двухцветный Питон, Скалистый Змей.— То есть удивительно, до чего иные не понимают своей собственной выгоды!

Слонёнок просидел над водою три дня и всё поджидал, не станет ли нос у него короче. Однако нос не становился короче, и — мало того — из-за этого носа глаза у Слонёнка стали немного косыми.

Потому что, мой милый мальчик, ты, надеюсь, уже догадался, что Крокодил вытянул Слонёнку нос в самый заправдашний хобот — точь-в-точь такой, какие имеются у всех нынешних Слонов.

К концу третьего дня прилетела какая-то муха и ужалила Слонёнка в плечо, и он, сам не замечая, что делает, приподнял хобот и прихлопнул муху.

— Вот тебе и первая выгода! — сказал Двухцветный Питон, Скалистый Змей.— Ну, рассуди сам: мог бы ты сделать что-нибудь такое своим прежним булавочным носом? Кстати, не хочешь ли ты закусить?

И Слонёнок, сам не зная, как у него это вышло, потянул хоботом к земле, сорвал добрый пучок травы, хлопнул им о передние ноги, чтобы стряхнуть с него пыль, и тотчас же сунул себе в рот.

— Вот тебе и вторая выгода! — сказал Двухцветный Питон, Скалистый Змей.— Попробовал бы ты проделать это своим прежним булавочным носом! Кстати, заметил ли ты, что солнце стало слишком припекать?

— Пожалуй, что и так! — сказал Слонёнок.

И, сам не зная, как у него это вышло, зачерпнул своим хоботом из сонной, зловонной, мутно-зелёной реки Лимпопо немного илу и шлёпнул его себе на голову; мокрый ил расквасился в лепёшку, и за уши Слонёнку потекли целые потоки воды.

— Вот тебе третья выгода! — сказал Двухцветный

Питон, Скалистый Змей.— Попробовал бы ты проделать это своим прежним булавочным носом! И, кстати, что ты теперь думаешь насчёт тумачков?

— Извините, пожалуйста,— сказал Слонёнок,— но я, право, не люблю тумачков.

— А вздуть кого-нибудь другого? — сказал Двухцветный Питон, Скалистый Змей.

— Это я с радостью! — сказал Слонёнок.

— Ты ещё не знаешь своего носа! — сказал Двухцветный Питон, Скалистый Змей.— Это просто клад, а не нос. Вздует кого угодно.

— Благодарю вас,— сказал Слонёнок,— я приму это к сведению. А теперь мне пора домой. Я пойду к милым родичам и проверю мой нос.

И пошёл Слонёнок по Африке, забавляясь и помаывая хоботом.

Захочется ему фруктов — он срывает их прямо с дерева, а не стоит и не ждёт, как прежде, чтобы они свалились на землю. Захочется ему травки — он рвёт её прямо с земли, а не бухается на колени, как бывало. Мухи докучают ему — он сорвёт с дерева ветку и машет ею, как веером. Припекает солнце — он опустит свой хобот в реку, и вот на голове у него холодная, мокрая нашлёпка. Скучно ему одному шататься без дела по Африке — он играет хоботом песни, и хобот у него куда звончее сотни медных труб.

Он нарочно свернул с дороги, чтобы разыскать толстуху Бегемотиху (она даже не была его родственницей), хорошенько отколотить её и проверить, правду ли сказал ему Двухцветный Питон, Скалистый Змей, про его новый нос. Поколотив Бегемотиху, он пошёл по прежней дороге и подбирал с земли те дынные корки, которые разбрасывал по пути к Лимпопо,— потому что он был Чистоплотным Толстокожим.

Стало уже темно, когда в один прекрасный вечер

он пришёл домой к своим милым родственникам. Он свернул хобот в кольцо и сказал:

— Здравствуйте! Как поживаете?

Они страшно обрадовались ему и сейчас же в один голос сказали:

— Поди-ка, поди-ка сюда, мы дадим тебе тумаков за несносное твоё любопытство!

— Эх вы! — сказал Слононок. — Много смыслите вы в тумаках! Вот я в этом деле кое-что понимаю. Хотите, покажу?

И он развернул свой хобот, и тотчас же два его милых братца полетели от него вверх тормашками.

— Клянёмся бананами! — закричали они. — Где это ты так наострился и что у тебя с носом?

— Этот нос у меня новый, и дал мне его Крокодил на сонной, зловонной, мутно-зелёной реке Лимпопо, — сказал Слононок. — Я завёл с ним разговор о том, что он кушает за обедом, и он подарил мне на память новый нос.

— Безобразный нос! — сказал волосатый, мохнатый дядя Павиан.

— Пожалуй, — сказал Слононок. — Но полезный!

И он схватил волосатого дядю Павиана за волосатую ногу и, раскачав, закинул в осиное гнездо.

И так разошёлся этот сердитый Слононок, что отколотил всех до одного своих милых родных. Бил он их, бил, так что им жарко стало, и они посмотрели на него с изумлением. Он выдернул из хвоста у долговязой тётки Страусихи чуть не все её перья; он ухватил длинноногого дядю Жирафа за заднюю ногу и поволок его по колючим терновым кустам; он разбудил громким криком свою толстую тётку Бегемотиху, когда она спала после обеда, и стал пускать ей прямо в ухо пузыри, но никому не позволял обижать птичку Колоколо.

Дело дошло до того, что все его родичи — кто раньше, кто позже — отправились к сонной, зловонной, мутно-зелёной реке Лимпопо, окружённой деревьями, нагоняющими на всех лихорадку, чтобы и им подарил Крокодил по такому же носу.

Вернувшись, никто уже больше не давал тумачов никому, и с той поры, мой мальчик, у всех Слонов, которых ты когда-нибудь увидишь, да и у тех, которых ты никогда не увидишь, у всех совершенно такой самый хобот, как у этого любопытного Слонёнка.

Откуда взялись Броненосцы

Милый мальчик, я опять расскажу тебе сказку о Далёких и Старинных Временах. Жил тогда Злючка-Колючка Ёж. Жил он на мутной реке Амазонке, ел улиток и разные разности. И была у него подруга, Черепаха Неспешная, которая тоже жила на мутной реке Амазонке, ела разные разности и зелёный салат. Всё шло хорошо, не правда ли, милый мальчик?

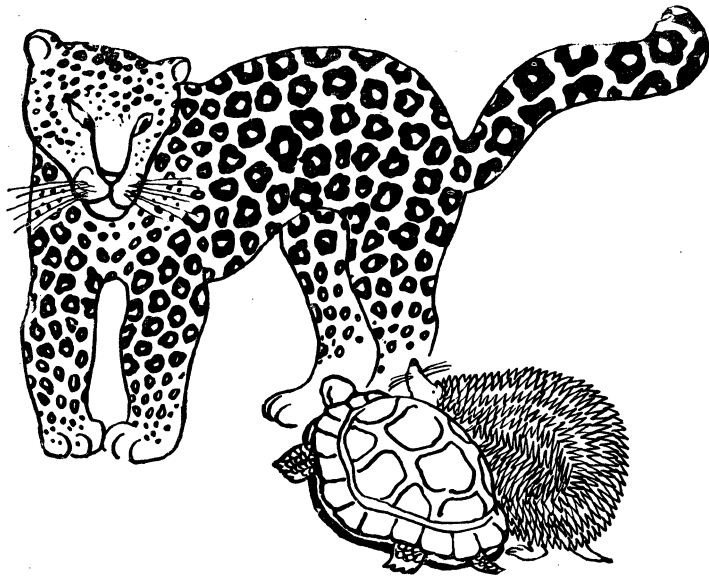
Но в ту же самую пору, в Далёкое и Старинное Время, жил на мутной реке Амазонке Расписной Ягуар. Он ел всё, что ему удастся поймать. Не удастся поймать оленя — он съест обезьяну; не удастся поймать обезьяну — съест лягушку или таракашку. А уж если нет ни лягушек, ни таракашек — он идёт к своей мамаше Ягуарихе, чтобы та объяснила ему, как нужно ловить черепах и ежей.

Изящно помахивая грациозным хвостом, мамаша часто наставляла его:

— Если, сынок, ты найдёшь Ежа, скорее швырни его в воду. Ёж сам собою развернётся в воде. А если найдёшь Черепаху, выцарапай её лапой из панциря.

И всё шло хорошо, мой милый мальчик.

Была прекрасная ночь на мутной реке Амазонке. Расписной Ягуар увидел, что под стволом свалившегося дерева сидят рядышком Злючка-Колючка Ёж и Черепаха Неспешная. Спасть бегством они не могли, и вот Злючка-Колючка Ёж свернулся шаром, потому что иначе он не был бы Ёж, а Черепаха Неспешная втянула ноги и голову под свой панцирь, потому что она была Черепаха.

Всё шло как следует, милый мой мальчик, не правда ли?

— Слушайте меня внимательно! — сказал Расписной Ягуар. — То, что я хочу вам сказать, имеет для вас большое значение. Моя маменька учила меня, что, если я увижу Ежа, я должен швырнуть его в воду, и тогда он сам собою развернётся, а если я увижу Черепаху, я должен выцарапать её лапой из панциря. Но кто же из вас Черепаха, а кто из вас Ёж, — клянусь моими пятнами, не знаю!

— Хорошо ли ты помнишь, что говорила тебе твоя маменька? — спросил Злючка-Колючка Ёж. — Уж не напутал ли ты? Может быть, маменька говорила тебе, что, когда ты развернёшь Черепаху, ты должен выцарапать её из воды, а когда ты поймашь Ежа, ты должен бросить его прямо на панцирь?

— Хорошо ли ты помнишь, что говорила тебе твоя маменька? — спросила Черепаха Неспешная. — Уж не напутал ли ты? Может быть, она говорила тебе, что, когда ты смочишь водою Ежа, ты должен расцарапать его лапой, а когда встретишь Черепаху, ты должен снять с неё панцирь, чтобы она развернулась?

— Едва ли это так! — сказал Расписной Ягуар, но всё же опешил немного. — Будьте добры, повторите ещё раз, что вы сказали сейчас. И, если можно, яснее.

— Когда ты поцарапаешь воду когтями, налей её и разверни Ежом, — сказал Злючка-Колючка Ёж. — Запомни это хорошенько, потому что это очень важно.

— Но, — сказала Черепаха Неспешная, — когда ты выцарапаешь воду из Ежа, ты должен полить этой водой Черепаху. Неужели ты и этого не знаешь?

— У меня от вашей путаницы даже пятна на спине заболели! — сказал Расписной Ягуар. — Я не спрашиваю ваших советов, я только спрашиваю, кто из вас Ёж и кто Черепаха.

— Не скажу, — ответил Ёж. — Но, если хочешь, изволь — попробуй-ка выцарапать меня из моего панциря.

— Ага! — сказал Расписной Ягуар. — Теперь я вижу, что ты Черепаха. Ты думала, что я не догадаюсь. А я догадался.

И хлопнул Ягуар лапой со всего размаха по Ежу как раз в ту минуту, когда Ёж свернулся клубком. И, конечно, в лапу Ягуара вонзились острые колючки Ежа. Это было бы, пожалуй, ещё ничего, но, к несчастью, Ягуар ударом лапы отбросил Ежа далеко-далеко в лес и не мог найти его в кустах, так как было очень темно. Тогда он сунул лапу себе в рот, но от этого иглы стали колоть ещё больше. От боли он долго не мог говорить, а когда заговорил, сказал:

— Теперь я вижу, то была совсем не Черепаха. Но как мне узнать, Черепаха ли это?

И он почесал затылок той лапой, которая не пострадала от колючек Ежа.

— Я и есть Черепаха,— призналась Неспешная.— Твоя матушка учила тебя правильно. Она сказала, что ты должен выцарапать меня лапой из панциря. Это верно. Ну, принимайся за дело!

— Только что ты говорила, что она говорила одно, а теперь ты говоришь, что она говорила другое! — сказал Ягуар, высасывая колючки из лапы.

— Ты говоришь, что я говорю, что она говорила другое,— сказала Черепаха.— Что ж из этого? Ведь если, как ты говоришь, я говорила, что она говорила то, что я говорила, это и выходит, что я говорила то, что говорила она. А если ты думаешь, что она говорила, будто ты должен развернуть меня лапой, а не бросать вместе с моим панцирем в воду, я здесь ни при чём, не правда ли?

— Но ведь только что ты сама говорила, что я должен выцарапать тебя лапой из твоей скорлупы,— сказал Расписной Ягуар.

— Подумай хорошенько, и ты поймёшь, что я этого никогда не говорила. Я только говорила, что твоя мама говорила, что ты должен содрать с меня когтями мой панцирь.— сказала Неспешная.

— А что будет, если я сдеру с тебя панцирь? — осторожно спросил Ягуар и потянул носом воздух.

— Не знаю, потому что до сих пор никто ещё не сдирал с меня панциря, но говорю тебе правду: если ты хочешь посмотреть, как я уплыву от тебя,— брось меня, пожалуйста, в воду.

— Я тебе не верю! — сказал Расписной Ягуар.— Мама моя говорила одно, а ты говорила, что она говорила другое, и теперь всё у меня так перепуталось, что

я не знаю, где у меня хвост, где голова. А теперь ты сказала простые слова, которые я понимаю, и это пугает меня больше всего. Мама учила меня, чтобы я бросил одного из вас в воду, и так как ты говоришь, что тебе хочется в воду, ясно, что тебе не хочется в воду. Так прыгай же в мутную воду реки Амазонки. Живо!

— Хорошо, я прыгну, но знай: мама твоя будет очень недовольна. Пожалуйста, не говори ей, что я не говорила тебе, что она говорила...

— Если ты скажешь ещё хоть одно слово о том, что говорила моя мама!..— вскричал Ягуар, но не успел договорить, потому что Черепаха как ни в чём не бывало нырнула в мутную воду реки Амазонки.

Долго она плыла под водою и выплыла на берег, где её ждал Злючка-Колючка Ёж.

— Мы чуть не погибли! — сказал Ёж.— Не нравится мне этот Расписной Ягуар. Что ты сказала ему о себе?

— Я сказала ему правду. Я честно сказала ему, что я Черепаха, но он не поверил, заставил меня прыгнуть в воду и очень удивился, увидев, что я и в самом деле Черепаха. Теперь он пошёл жаловаться маме. Ты слышишь?

Было слышно, как среди кустов и деревьев, над мутной рекой Амазонкой, ревет Ягуар и зовёт к себе мать Ягуариху. И она пришла.

— Ах, сыночек, сыночек! — заговорила она, изящно помахивая грациозным хвостом.— Ты, кажется, делал такое, чего тебе не следовало делать.

— Я встретил над рекою одну зверюшку и хотел выцарапать её из-под панциря; она сама сказала, что ей хочется этого, и вот теперь у меня вся лапа в зан-о-о-зах!

— Ах, сыночек, сыночек! — сказала мать, изящно помахивая грациозным хвостом.— По этим занозам, которые впились в твою лапу, я вижу, что то был Ёж. Тебе следовало кинуть его в воду.

— В воду я кинул другого зверька. Он сказал, что его зовут Черепаха, но я не поверил ему. Оказывается, то и вправду была Черепаха. Она нырнула в воду, в мутную реку Амазонку, и больше я не видел её. И вот я остался голодный и думаю, что нам нужно переселиться отсюда в другие места. Здесь, на мутной реке Амазонке, все звери такие умные. Мне, бедному, не справиться с ними.

— Ах, сыночек, сыночек! — сказала его мать, изящно помахивая грациозным хвостом.— Слушай внимательно и запомни, что я скажу. Ёж свёртывается

в клубок, и его колючки торчат во все стороны. По этой примете ты всегда узнаешь Ежа.

— Не нравится мне эта старуха, ох, как не нравится! — сказал Злючка-Колючка Ёж. — Что ещё она скажет ему?

— А Черепаха не может сворачиваться, — продолжала Ягуариха, изящно помахивая грациозным хвостом. — Черепаха втягивает голову и ноги под панцирь. По этой примете ты всегда узнаешь Черепаху.

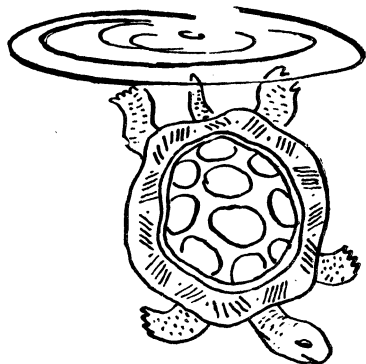
— Не нравится мне эта старуха, ох как не нравится! — сказала Черепаха Неспешная. — Даже Расписной Ягуар и тот не забудет такого простого урока. Ах, Злючка-Колючка, как жаль, что ты не умеешь плавать!

— Полно тужить обо мне, — отозвался Злючка-Колючка. — Тебе тоже кое-чего не хватает. Подумай: как было бы чудесно, если бы ты умела сворачиваться в клубок! Ах, в какую беду мы попали! Прислушайся, что говорит Ягуар!

Расписной Ягуар сидел над мутной рекой Амазонкой, высасывал из лапы колючки и бормотал про себя:

Кто свернётся клубком,
Тот зовётся Ежом.
Кто в воде поплывёт,
Черепахой слывет.

— Этого он никогда не забудет, даже после дождика в четверг, — сказал Ёж. — Поддержи меня за подбородок, Неспешная, — я хочу научиться плавать. Это может пригодиться потом.

— С удовольствием! — сказала Черепаха.

И она поддержала Колючку за подбородок, пока Колючка барахтался в мутной реке Амазонке.

— Из тебя выйдет отличный пловец! — сказала она Ежу. — А теперь, будь так добр, распусти у меня на спине те шнурки, которыми стянут мой панцирь, — я попробую свернуться в клубок.

Злючка-Колючка Ёж распустил на спине у Черепахи шнурки, и Черепаха стала так ёжиться и корчиться, что ей наконец удалось чуть-чуть согнуться, — не совсем, а чуть-чуть.

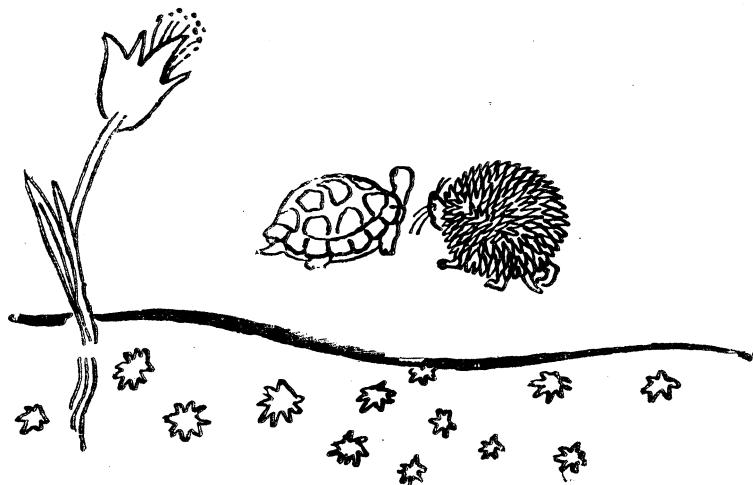
— Очень хорошо! — сказал Ёж. — Но довольно, больше не надо. У тебя даже лицо посинело. А теперь, пожалуйста, поддержи меня в воде ещё разок! Я по-

пробую плавать боком. Ты говорила, что это очень легко.

И Ёж опять пустился вплавь. Это был его второй урок. Черепаха плыла рядом с ним.

— Очень хорошо! — сказала она. — Ещё немного, и ты будешь плавать не хуже Кита. А теперь, будь так добр, распусти-ка шнурки в моём панцире ещё на две дырочки, я попробую наклониться вперёд. Ты говоришь, это очень легко. То-то будет удивлён Расписной Ягуар!

— Очень хорошо! — воскликнул Ёж, весь мокрый после купанья в мутной реке Амазонке. — Ты сворачиваешься так хорошо — ну совсем как мои братья и сёстры. Две дырочки, ты говоришь? Ладно, только не нужно так громко пыхтеть, а то услышит Расписной Ягуар. Смелее! Когда ты кончишь, я попробую нырнуть и подольше продержаться под водой. Ты говоришь, это очень легко. То-то будет удивлён Расписной

Ягуар! Но как сдвинулись щитки у тебя на панцире! Прежде они были рядом, а теперь один на другом.

— Это оттого, что я сворачиваюсь,— сказала Черепаха.— Да и с тобою произошла перемена. Прежде ты был похож на каштановый орех, а теперь сделался как еловая шишка. Все колючки склеились и стали чешуйками.

— Неужели? — воскликнул Ёж.— Это оттого, что я вымок в воде. То-то будет удивлён Расписной Ягуар!

Так до самого утра они помогали друг другу, а когда солнце поднялось высоко над землёй, они сели отдохнуть и обсушиться. И, глядя друг на друга, заметили, что стали совсем на себя не похожи.

Потом они позавтракали, и Черепаха сказала:

— Милый Ёж, я уже не такая, какая была вчера. Но я думаю, что теперь мне удастся позабавить Ягуара как следует.

— Я как раз хотел сказать то же самое, слово в слово! — воскликнул Ёж.— По-моему, чешуя лучше

всяких колючек, к тому же я теперь умею плавать. То-то будет удивлён Расписной Ягуар! Пойдём и найдём его.

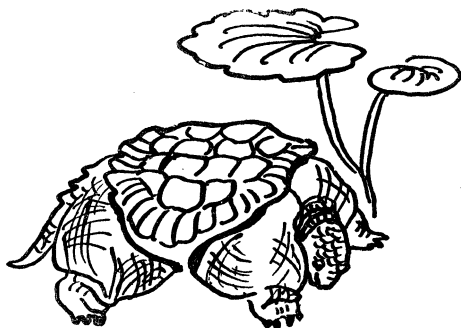
Вскоре они нашли Ягуара. Он всё ещё возился со своей раненой лапой. Когда они предстали перед ним, он так удивился, что стал пятиться назад и три раза перекувырнулся через свой собственный хвост.

— Доброе утро! — сказал Злючка-Колючка Ёж. — Как бесценное здоровье вашей маменьки?

— Благодарю вас, она в добром здоровье, — ответил Ягуар. — Но не взыщите, пожалуйста, я плохо помню ваши имена.

— Ах, какой вы нелюбезный! — сказал Ёж. — Ведь только вчера вы пытались выцарапать меня из панциря...

— Но вчера у тебя не было панциря — вчера ты был весь в иголках. Кому же это и знать, как не мне? Посмотри-ка на мою лапу!

— Только вчера, — сказала Черепаха, — вы велели мне броситься в воду, чтобы я утонула в мутной реке Амазонке, а сегодня и знать меня не хотите. Вот какой вы грубый и забывчивый!

— Неужели вы забыли, что сказала вам ваша мамаша? — спросил Злючка-Колючка Ёж. — Ведь она ясно сказала вам:

Кто свернётся клубком,
Черепашкой сльвёт.
Кто в воде поплывёт,
Тот зовётся Ежом.

Тут они оба свернулись клубками и как пошли кататься вокруг Ягуара — катались, катались, катались... У того даже глаза закружились, словно колёса в повозке.

Он убежал и позвал свою мать.

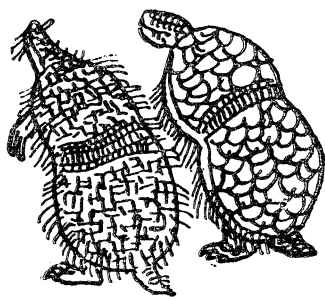
— Мама, — сказал он, — там в лесу какие-то невиданные новые звери! Про одного ты сказала, что он не умеет плавать, а он плавает. Про другого ты сказала, что он не умеет сворачиваться, а он сворачивается. И, кажется, они поделились одеждой. Прежде один был гладенький, а другой колючий, а теперь оба они в чешуе. Кроме того, они так кружатся, кружатся, кружатся, что у меня голова закружилась.

— Ах, сыночек, сыночек! — сказала мать Ягуариха, изящно помахивая грациозным хвостом. — Ёж — это Ёж, и чем же ему быть, как не Ежом? Черепаша — это Черепаша, и останется всегда Черепашкой!

— Но это совсем не Ёж! И совсем не Черепаша! Это немножко Ёж и немножко Черепаша, а как оно зовётся — я не знаю.

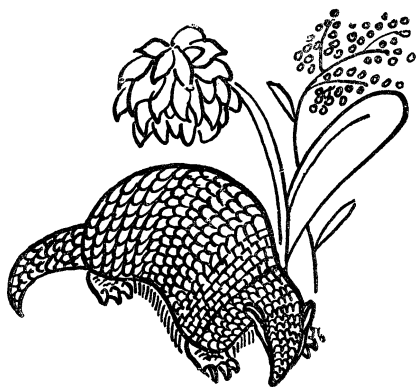
— Пустяки! — сказала мать Ягуариха. — У всякого должно быть своё имя. Я буду звать этого зверя Броненосец, покуда для него не найдётся настоящего имени. И на твоём месте я оставила бы его в покое.

Ягуар поступил как ему было сказано; особенно свято выполнил он наставление маменьки — оставить этого зверя в покое. Но удивительнее всего то, милый мальчик, что на мутной реке Амазонке с того самого дня до сих пор Злючку-Колючку Ежа и Черепашу Неспешную все так и называют Броненосцем. Конечно, в

других местах есть по-прежнему и Ежи и Черепахи (есть они и у меня в саду), но лучшие, умнейшие из них — старинные Ежи и Черепахи, покрытые щитками, как еловые шишки, те самые, что в Далёкие Дни жили на мутных берегах Амазонки,— те всегда зовутся Броненосцами, потому что они такие разумные.

Чего же тебе ещё, милый мальчик? В с ё устроилось отлично, не правда ли?

На далекой Амазонке
Не бывал я никогда.
Только «Дон» и «Магдалина» —
Быстроходные суда, —
Только «Дон» и «Магдалина»
Ходят по морю туда.

Из Ливерпульской гавани
Всегда по четвергам
Суда уходят в плаванье
К далёким берегам.
Плывут они в Бразилию,
Бразилию,
Бразилию.

И я хочу в Бразилию,
К далёким берегам!

Никогда вы не найдёте
В наших северных лесах
Длиннохвостых ягуаров,
Броненосных черепах.
Но в солнечной Бразилии,
Бразилии моей,
Такое изобилие
Невиданных зверей!
Увижу ли Бразилию,
Бразилию,
Бразилию?
Увижу ли Бразилию
До старости моей?

Как было написано первое письмо

Давным-давно, ещё в Каменном веке, жил да был один человек. Был он человек первобытный, жил в пещере и носил очень мало одежд. Ни читать, ни писать он не умел — да и не хотелось ему ни читать, ни писать,— и, покуда он был сыт, он был счастлив. Звали его Тегумай Бопсулай, а это значит: Человек-ноги-которого-никогда-не-спешат, но мы, милый мальчик, будем называть его просто Тегумай, чтобы было короче. У него была жена, и звали её Тешумай Тевиндро, а это значит: Женщина-которая-задаёт-слишком-много-вопросов, но мы, милый мальчик, будем звать её просто Тешумай, чтобы было короче. И была у него маленькая дочка, которую звали Таффамай Металлумай, а это значит: Девочка-которую-нужно - хорошенько - отшлёпать - за - то - что - она-такая-шалунья, но я буду называть её просто Таффи. Тегумай Бопсулай очень любил её, и мама очень любила её, и они шлёпали её гораздо реже, чем нужно, и все трое были довольны и счастливы.

Как только Таффи научилась ходить, она стала бегать повсюду за своим отцом Тегумаем, и, бывало, они оба до той поры не вернутся в пещеру, покуда им не захочется есть. И тогда Тешумай Тевиндро говорила:

— Где это вы пропадали и так ужасно испачкались? Право же, мой Тегумай, ты ничуть не лучше моей Таффи!

А теперь, милый мальчик, слушай меня, и слушай внимательно!

Как-то раз Тегумай пошёл по болоту, в котором водились бобры, и вышел к реке Вагай, чтобы своим острым копьём набить к обеду карпов. Таффи пошла

вместе с ним. Копьё у него было деревянное, с наконецником из акульих зубов. И только что он принялся за охоту, копьё сломалось пополам: слишком уж сильно он ткнул его в дно реки. Что было делать? Идти домой — далеко (завтрак они, конечно, захватили с собой в мешочке), а запасного копья у Тегумая не было. Запасное копьё он забыл захватить.

— Рыба так и кишит,— сказал он,— а на починку копья у меня уйдёт целый день.

— У тебя же есть другое копьё! — сказала Таффи.— Такое большое и чёрное. Хочешь, я сбегаю в пещеру и попрошу его у мамы?

— Куда тебе бежать такую даль! — сказал Тегумай.— Это не под силу твоим пухленьким ножкам. Да и дорога опасна: ещё утонешь в Бобровом болоте. Попробуем как-нибудь справиться с нашей бедой на месте.

Он сел на землю, взял кожаный ремонтный мешочек, где у него были сложены оленьи жилы, длинные полоски кожи, кусочек смолы, кусочек мягкого пчелиного воску, и принялся чинить своё копьё. Таффи тоже уселась невдалеке от него, спустила ноги в воду, подпёрла ручкой подбородок и думала-думала изо всех сил. Потом она сказала отцу:

— По-моему, это зверски досадно, что мы с тобой не умеем писать. Написали бы записку домой, чтоб нам прислали другое копьё!

— Таффи,— сказал Тегумай,— сколько раз напоминал я тебе, чтобы ты не говорила грубых слов! «Зверски» — это нехорошее слово. Но было бы и вправду недурно, раз уж ты заговорила об этом, если бы мы могли написать твоей маме записку.

А в это время по берегу реки шёл незнакомый человек. Он не понял ни слова из того, что сказал Тегумай, потому что был из дальнего племени Тевара. Он

стоял на берегу и улыбался, глядя на Таффи, потому что у него у самого была дома маленькая дочь. Тегумай вытащил из мешочка моток оленьих жил и принялся чинить своё копьё.

— Поди сюда,— сказала Таффи, обращаясь к Незнакомцу.— Знаешь ли ты, где живёт моя мама?

Незнакомец ответил: «Гм», потому что он был, как ты знаешь, товарец.

— Глупый! — сказала Таффи и топнула ножкой, потому что увидела, что по реке плывёт целая стая больших карпов, как раз тогда, когда отец не может запустить в них копьём.

— Не приставай к старшим,— сказал Тегумай не оглядываясь; он был так занят починкой копьё, что даже не взглянул на Незнакомца.

— Я не пристаю,— ответила Таффи.— Я только хочу, чтобы он сделал то, что мне хочется. А он не понимает.

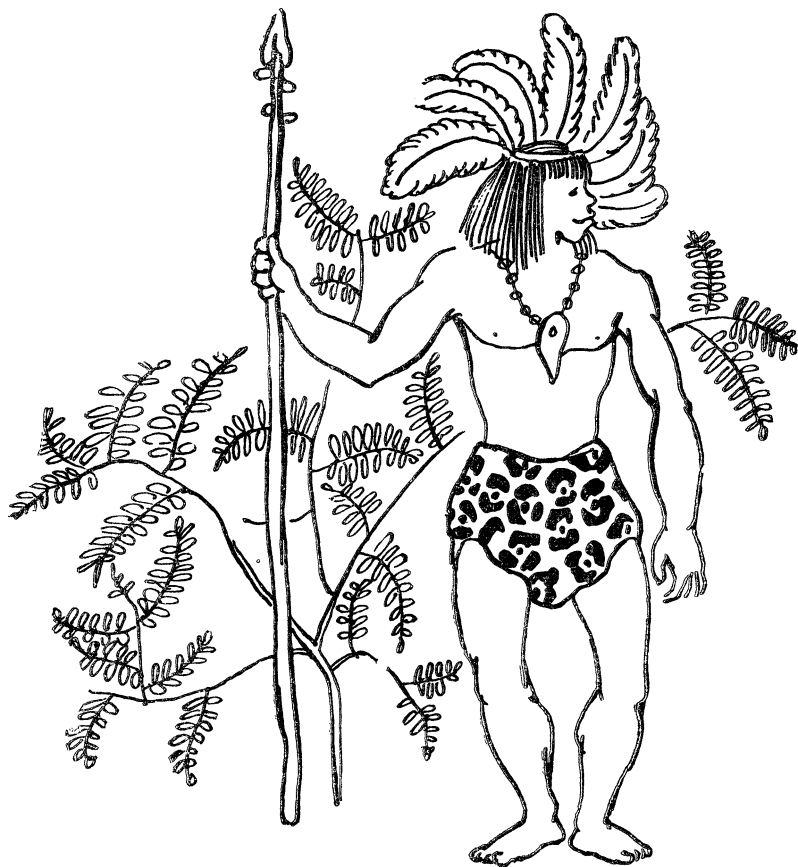
— Тогда не надоедай мне,— сказал Тегумай и, забрав в рот концы оленьих жил, принялся вытягивать их что было силы.

А Незнакомец (он был самый настоящий товарец) уселся на траву, и Таффи стала показывать ему, что делает отец.

Незнакомец подумал: «Это очень удивительный ребёнок. Она топает на меня ногой и строит мне рожи. Она, должно быть, дочь этого знаменитого вождя, который так важен, что даже не обращает на меня никакого внимания».

Поэтому он улыбнулся ещё любезнее.

— Так вот,— сказала Таффи.— Я хочу, чтобы ты пошёл к моей маме (потому, что у тебя ноги длиннее моих и ты не свалишься в Бобровое болото) и попросил бы, чтобы тебе дали другое копьё. Чёрное. Оно висит у нас над очагом.

Незнакомец (а он был теварец) подумал: «Это очень, очень удивительная девочка. Она машет руками и кричит на меня, но я не понимаю ни слова. И я очень боюсь, что, если я не выполню её приказаний, этот величавый вождь, Человек-который-поворачи-

вается-спиной-к-своим-гостям, разозлится». Он встал, содрал с берёзы большой плоский кусок коры и подал его Таффи. Этим он хотел показать, что душа у него белая, как берёста, и что он никому не желает зла. Но Таффи поняла его по-своему.

— О,— сказала она,— понимаю! Ты хочешь узнать, где живёт моя мама. Конечно, я не умею писать, но я могу нарисовать картинку всегда, когда под рукой есть что-нибудь острое, чтобы можно было нацарапать её. Дай-ка мне на минутку акулий зуб из твоего ожерелья.

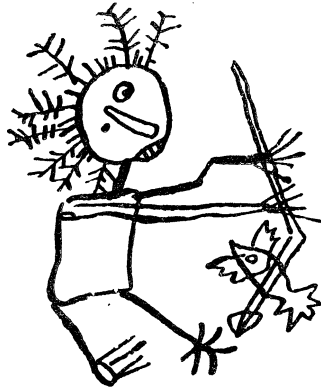
Незнакомец (а он был теvarец) ничего не ответил. Поэтому Таффи протянула руку и дёрнула к себе ожерелье, висевшее у Незнакомца на шее. Ожерелье было из бусин, зёрен и акулих зубов.

Незнакомец (а он был теvarец) подумал: «Это очень, очень, очень удивительный ребёнок. У меня на ожерелье заколдованные акули зубы, и мне всегда говорили, что тот, кто дотронется до них без моего разрешения, немедленно распухнет или лопнет. Но этот ребёнок не распух и не лопнул. А тот величавый вождь, который не обратил на меня никакого внимания, видно, не боится, что девочке угрожает беда. Лучше я буду вести себя с ними ещё любезнее».

Поэтому он дал Таффи свой акулий зуб, и она тотчас же легла на живот и стала болтать ногами в воздухе, совсем как иные дети в настоящее время, когда они ложатся в комнате на пол, чтобы нарисовать ту или другую картинку. Она сказала:

— Сейчас я нарисую тебе несколько красивых картинок! Можешь глядеть у меня из-за плеча. Только не толкай меня под руку. Сначала я нарисую, как папа ловит рыбу. Он вышел у меня не очень похож, но мама узнает, потому что я нарисовала, что копьё у него сломалось.

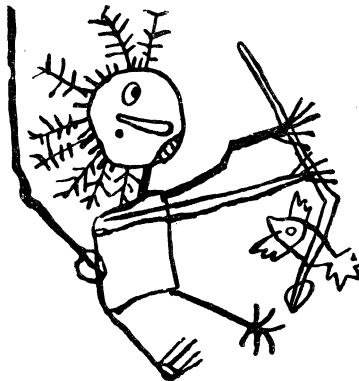
А теперь я нарисую другое копьё, то, которое ему нужно, чёрное. У меня вышло, будто оно ударило папу в спину, но это потому, что твой акулий зуб соскользнул, да и кусок берёсты маловат.

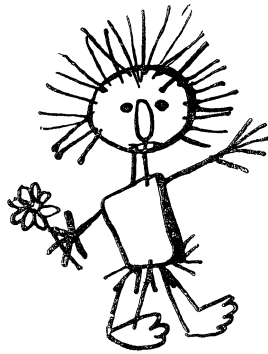

Вот копьё, которое ты должен принести. А вот это я. Я стою и посылаю тебя за копьём. Волосы у меня не торчат во все стороны, как я нарисовала, но так рисовать легче.

Теперь я нарисую тебя. Я думаю, что на самом деле ты очень красивый, но не могу же я сделать тебя на картинке красавцем, поэтому, пожалуйста, не сердись на меня. Ты не сердишься?

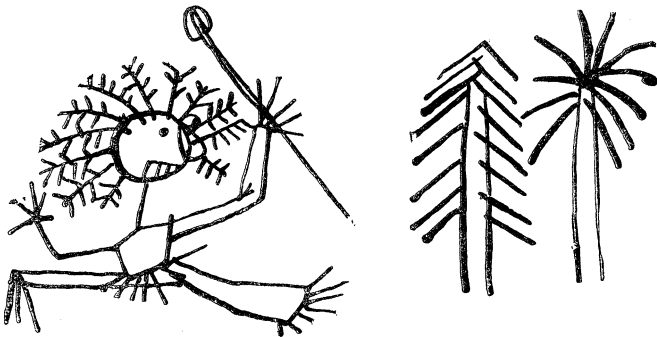
Незнакомец (а он был те варец) улыбнулся. Он подумал: «Должно быть, где-то сейчас происходит большое сражение, и этот необыкновенный ребёнок,

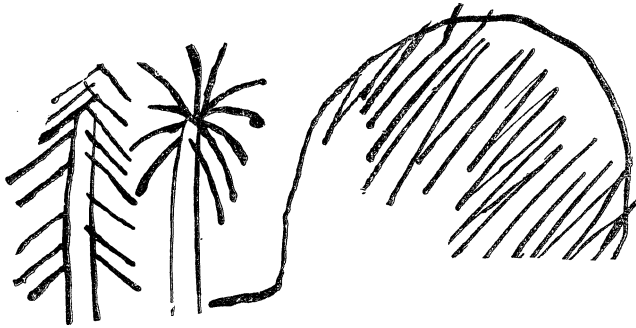

который взял у меня заколдованный акулий зуб и не распух и не лопнул, велит мне позвать всё племя великого вождя к нему на помощь. Он великий вождь, иначе он не сидел бы ко мне спиной».

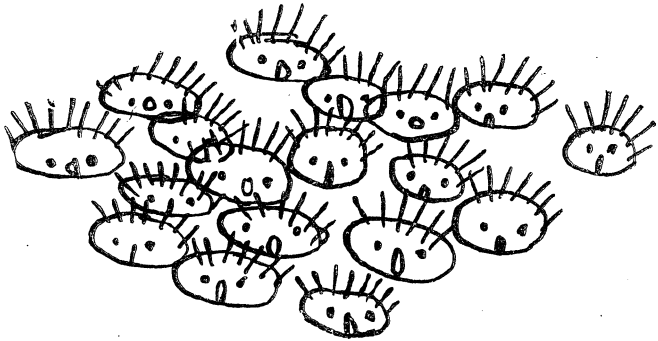
— Гляди,— сказала Таффи, очень старательно чертя на коре свой рисунок.— Теперь я нарисовала

тебя. Я помещу то копьё, которое нужно папе, у тебя в руке, чтобы ты не забыл принести его. Теперь я покажу тебе, где живёт моя мама. Иди, пока не дойдёшь до двух деревьев (вот эти деревья), потом поднимись на гору (вот эта гора), и тогда ты выйдешь на

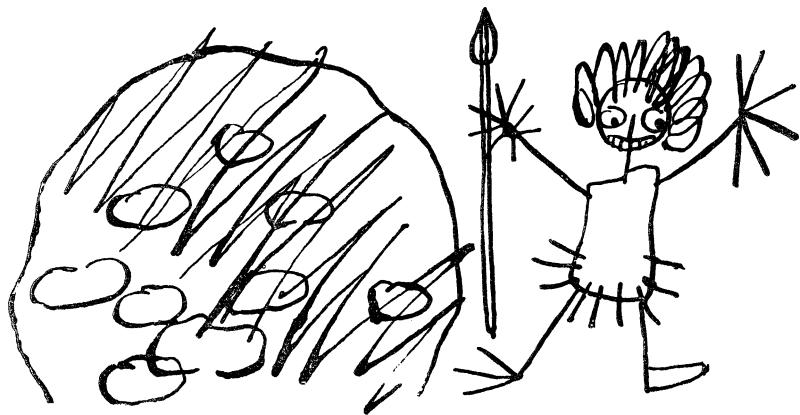

Бобровое болото, оно полным-полно бобрами. Я не умею рисовать бобров целиком, но я нарисовала их головки. Ведь только их головки ты и увидишь, когда пойдёшь по болоту. Но смотри не оступись. Как кончится болото, тут сразу и будет наша пещера. На самом деле она не такая большая, как горка, но я не умею рисовать очень маленькие вещи. Вот моя мама. Она вышла из пещеры. Она красивая. Она красивее всех мам, какие только есть на земле, но она не обидится, что я нарисовала её такой некрасивой. Теперь, на случай если ты забудешь, я нарисовала сн а руж и то копьё, которое нужно папе. На самом деле оно внутри, но ты покажи картинку маме, и мама даст

тебе это копьё. Я нарисовала, как она подняла руки, потому что я знаю, что она будет рада видеть тебя... Красивая картинка, не правда ли? Ты хорошо понял или мне объяснить ещё раз?

Незнакомец (а он был теварец) поглядел на картинку и очень часто закивал головой. Он сказал себе: «Если я не приведу племя этого великого вождя

ему на помощь, его убьют враги, которые подкрадываются с копьями со всех сторон. Теперь я понимаю, почему великий вождь притворился, что не обращает на меня внимания. Он боится, что враги притаились в кустах и что они увидят, как он даёт мне поручения. Поэтому он отвернулся и предоставил мудрому и удивительному ребёнку нарисовать эту страшную картинку, чтоб я понял, в какую беду он попал. Я пойду и приведу ему на выручку всё его племя».

Он даже не спросил у Таффи дорогу, но кинулся, как ветер, в кусты, держа в руке берёсту, а Таффи уселась на берегу, очень довольная.

— Что это ты делала, Таффи? — спросил Тегумай.

Он починил копьё и теперь осторожно помахивал им вправо и влево.

— Это мой секрет, милый папочка,— ответила Таффи.— Если ты не станешь расспрашивать меня, ты скоро узнаешь в чём дело, и это тебя очень удивит. Ты не можешь себе представить, какой это будет сюрприз для тебя! Обещай мне, что ты будешь рад.

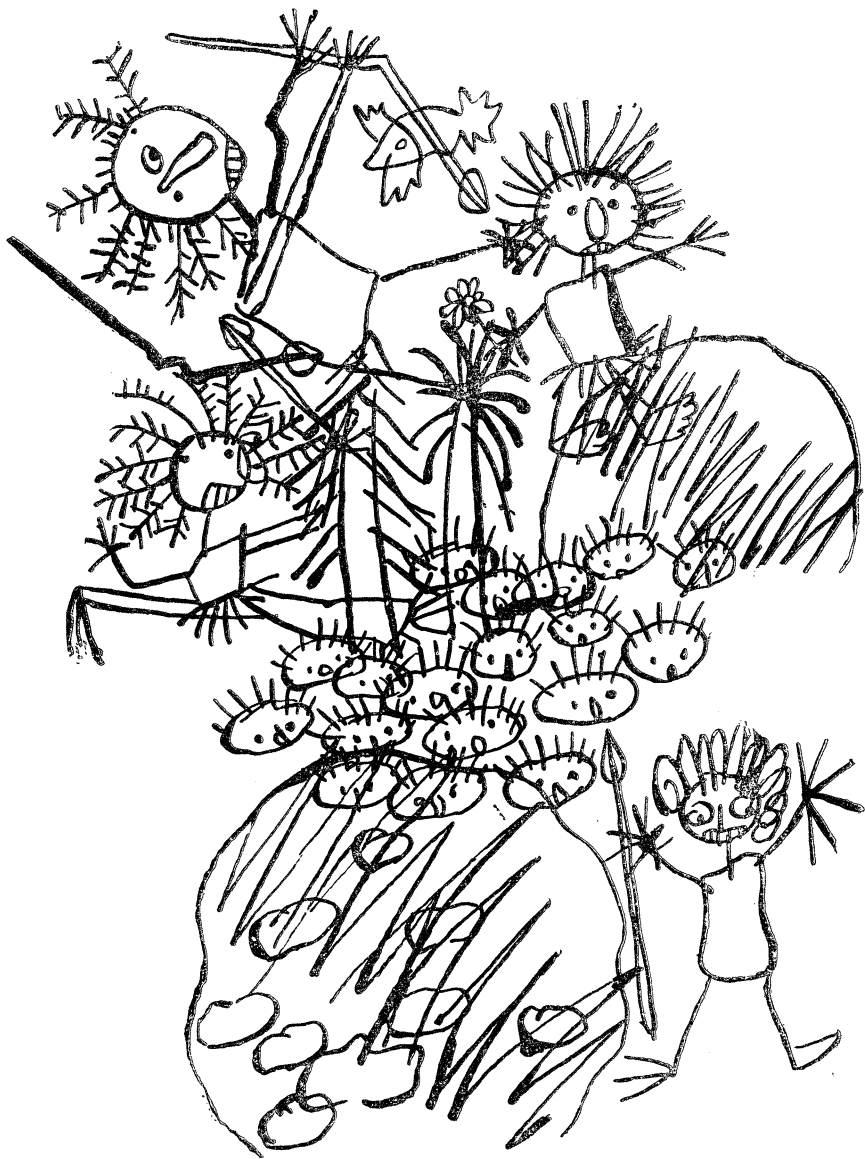
— Ладно,— сказал Тегумай и принялся ловить рыбу.

Незнакомец (знаешь ли ты, что он был теварец?) всё бежал и бежал с картинкой в руках и пробежал несколько миль и вдруг совершенно случайно наткнулся на Тешумай Тевиндро. Она стояла у входа в пещеру и судачила с доисторическими дамами, которые пришли к ней в гости на доисторический завтрак.

Таффи была очень похожа на Тешумай, особенно глазами и верхней частью лица, поэтому Незнакомец — самый настоящий теварец — вежливо улыбнулся и вручил Тешумай берёсту. Он так быстро бежал по болоту, что запыхался, а ноги у него были исцарапаны колючим терновником, но он всё ещё хотел быть любезным.

Как только Тешумай взглянула на картинку, она завизжала и кинулась на Незнакомца. Другие доисторические дамы разом повалили его наземь, и все шестеро уселись на него рядком, а Тешумай принялась вырывать у него из головы целые пучки волос.

— Всё очень понятно и просто,— сказала она.— Этот незнакомый мужчина проткнул моего Тегумая копьём и так напугал Таффи, что волосы у неё встали дыбом. Но этого ему было мало, и он принёс мне страшную картинку, чтобы похвастать своими

злодействами. Глядите,— и она показала картинку всем доисторическим дамам, терпеливо сидевшим на Незнакомце,— вот мой Тегумай, у него сломана рука. Вот копьё, которое воткнуто ему в спину, а вот человек, который собирается бросить в Тегумая копьё, а вот другой человек, бросающий в него копьё из пещеры. А вот здесь целая шайка злодеев (Таффи нарисовала бобров, но они были больше похожи на людей) подкрадывается сзади к Тегумаю... Всё это ужасно, ужасно!

— Ужасно! — согласились доисторические дамы и вымазали Незнакомцу всю голову грязью (что очень удивило его) и забили в боевой барабан.

И на стук барабана пришли все вожди тегумайского племени, со всеми своими гетманами, доломанами, негусами. За ними шагали пророки, ведуны, жрецы, шаманы, бонзы — и все они в один голос решили:

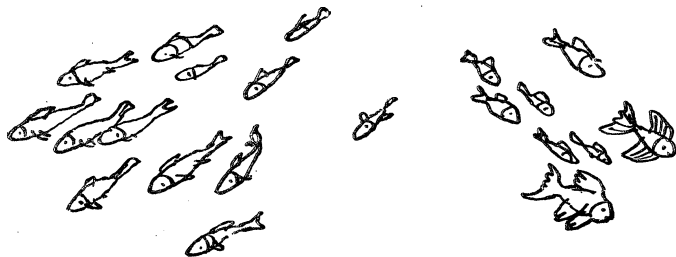

отрубить Незнакомцу голову, но пусть он раньше поведёт их к реке и покажет, куда он спрятал несчастную Таффи.

Между тем Незнакомец (хоть он и был теварец) очень сильно рассердился на дам. Они набили ему волосы комьями грязи, они проволокли его по острым камням, шестеро из них долго сидели на нём; они колотили его и молотили его так, что он еле дышал, и хо-

тя их язык был неизвестен ему, нетрудно было догадаться, что они ругают его самыми злыми ругательствами. И всё же он не сказал ни единого слова, а когда собралось тегумайское племя, он повёл этих людей к реке Вагай, и там они увидели Таффи. Она сидела и плела из маргариток венки, а её отец Тегумай целился копьём, которое ему уже удалось починить, в проплывавшего мелкого карпа.

— Быстро же ты воротился! — воскликнула Таффи.— Но почему ты привёл с собой столько народу? Папочка, вот мой сюрприз. Не правда ли, ты удивлён?

— Очень,— сказал Тегумай.— Но вся моя сегодняшняя охота пропала. Почему, почему, объясни мне, пожалуйста, сбежалось сюда всё наше славное племя?

И действительно, всё племя было здесь. Впереди выступала Тешумай Тевиндро со всеми своими соседками. Они крепко вцепились в Незнакомца, волосы которого были густо измазаны грязью (хотя он и был те в а рец). За ними шёл главный вождь со своим заместителем, потом министры и помощники вождя (вооружённые до верхних зубов), гетманы, сотники, негусы, воеводы со своими тыловыми отрядами (тоже вооружённые до зубов). А за ними бежало всё племя, испуская такие ужасные вопли, которые разогнали всю рыбу в реке на двадцать километров—не меньше.

Это очень рассердило Тегумая, и он покрыл прибежавших людей самой отборной доисторической бранью.

Тут Тешумай Тевиндро подбежала к Таффи и давай целовать её, обнимать и ласкать. Но главный вождь тегумайского племени схватил Тегумая за перья, торчавшие у него в волосах, и стал трясти его с бешеной яростью.

— Говори! Говори! Говори! — закричало всё тегумайское племя.

— Что за чепуха! — сказал Тегумай.— Оставьте мои перья в покое. Почему это так: стоит только человеку сломать на охоте копьё, как вот уж на него набрасывается всё его племя и начинает дубасить его! И кто дал вам право соваться в чужие дела?

— А ты так-таки и не принёс папиного чёрного

копья! — сказала Таффи. — И что это вы делаете с милым моим Незнакомцем?

То два человека, то три, а то и целый десяток подбегали к Незнакомцу и били его, так что у того в конце концов глаза вылезли на лоб. Он не мог выговорить ни слова и молча указал на Таффи.

— Дорогой мой, а где же злодеи, что проткнули тебя острыми копьями? — спросила Тешумай.

— Никаких тут не было злодеев! — отвечал Тегумай. — Единственный, кого я видел сегодня, вон тот несчастный, которого вы бьёте сейчас. Не сошло ли ты с ума, о тегумайское племя?

— Он принёс нам страшную картинку, — ответил главный вождь. — На картинке ты весь с головы до пят утыкан стрелами.

Тут заговорила Таффи:

— М... м... м... Сказать по правде... это я дала ему картинку...

Ей было очень неловко.

— Ты?! — закричало всё тегумайское племя. — Девочка - которую - нужно - хорошенько - отшлёпать - за-то-что-она- такая-шалунья?! Ты?!

— Таффи, милая! Боюсь, нам с тобой сейчас придётся довольно круто... — проговорил Тегумай и обнял её, отчего она сразу перестала бояться врагов.

— Говори! Говори! Говори! — сказал главный вождь тегумайского племени и запрыгал на одной ноге.

— Я хотела, чтобы Незнакомец принёс сюда папино копьё, вот я и нарисовала копьё, — пояснила Таффи. — Оно одно, но я нарисовала его три раза, чтобы Незнакомец не позабыл о нём. А если вышло так, буд-то оно протыкает папину спину, это всё оттого, что ко-ра очень маленькая и на ней не хватает места. А те фигурки, которые мама называет злодеями, это про-

сто мои бобры. Я нарисовала их потому, что нужно же было показать Незнакомцу, что он должен пойти по болоту! И я нарисовала маму у входа в пещеру. Она стоит и улыбается Незнакомцу, потому что он такой милый и добрый. А вы... глупее вас нет на всём свете! Ведь он милый и добрый, зачем же вы измазали ему голову грязью? Вымойте его сию минуту!

После этого все очень долго молчали. Никто не произнёс ни слова. Наконец главный вождь засмеялся. Потом засмеялся Незнакомец (а он был, как ты знаешь, те в а рец); потом засмеялся Тегумай, и так сильно смеялся, что не мог устоять на ногах; потом засмеялось всё тегумайское племя, — оно смеялось долго и громко.

Потом главный вождь тегумайского племени прокричал, проговорил и пропел:

— О Девочка-которую-нужно-хорошенько-отшлѣ-пать-за-то-что-ты-такая-шалунья, ты сделала великое открытие!

— Никакого открытия не хотела я сделать, — ответила Таффи. — Я просто хотела, чтобы сюда принесли папино чёрное копьё.

— Всё равно! Это — великое открытие, и придёт день, когда люди назовут его умением писать. Покуда вместо писем мы будем посылать друг другу картинки, а в картинках — вы сами видели — не всегда можно разобраться как следует. Иногда выходит самая дикая путаница. Но придёт время, о дитя тегумайского племени, когда мы придумаем буквы и научимся при помощи букв читать и писать — и тогда у нас уже не будет ошибок. И пускай доисторические дамы смоят грязь с головы Незнакомца.

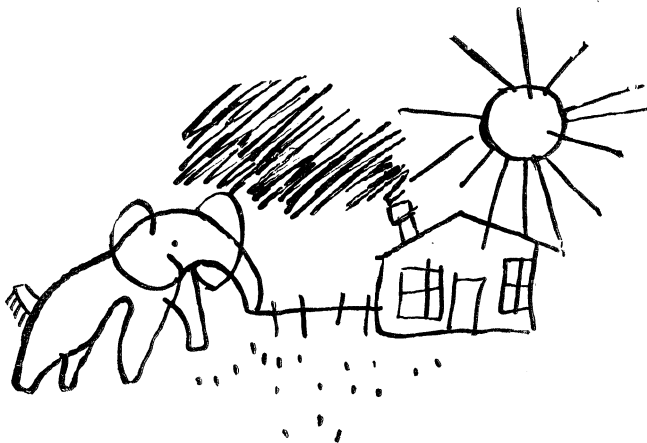
— Вот будет хорошо! — сказала Таффи. — Потому что теперь вы принесли сюда на берег все копья, какие только есть у тегумайского племени, но позабы-

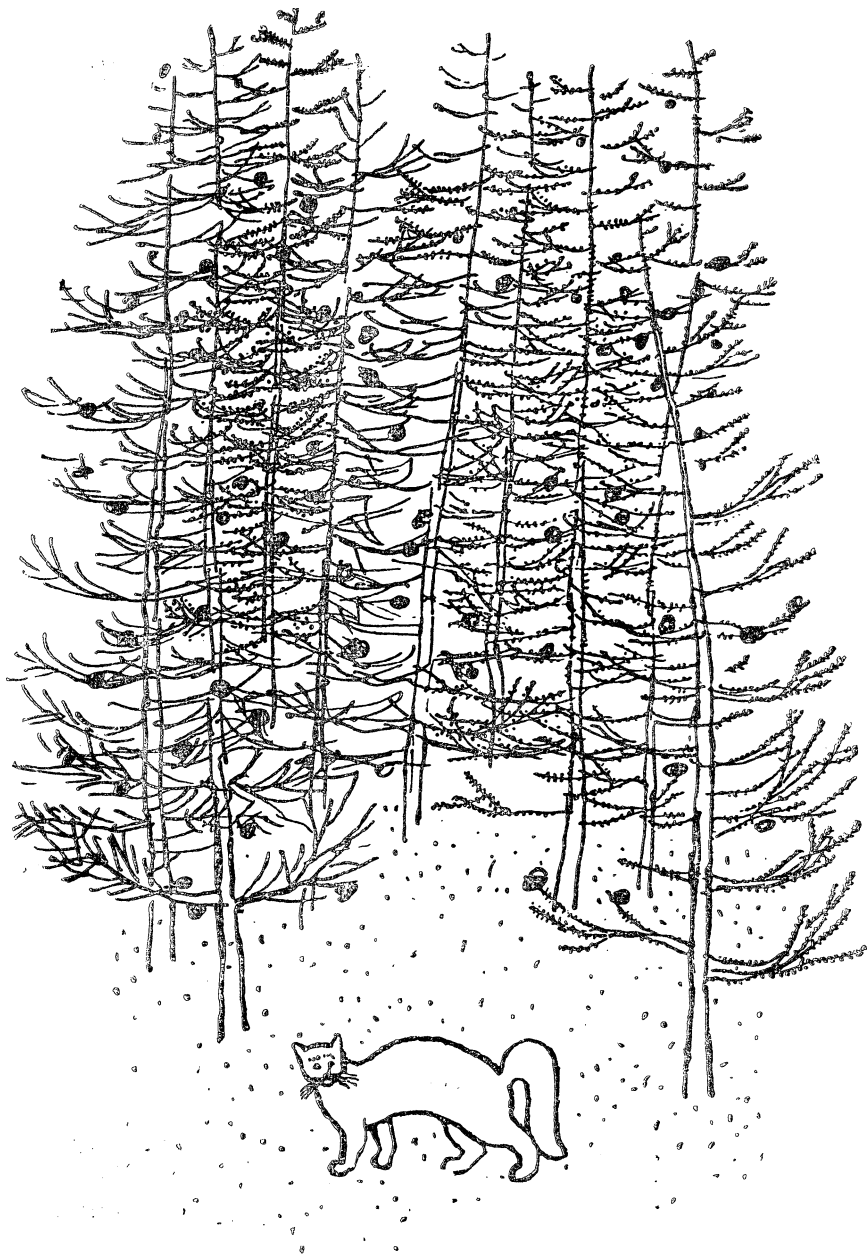
ли принести одно-единственное — чёрное копьё моего папы!

Тогда главный вождь тегумайского племени прокричал, проговорил и пропел:

— В следующий раз, когда придёт тебе в голову написать письмо в виде картинки, пошли с этим письмом человека, который умеет говорить по-нашему, и тот человек разъяснит всё, что ты хочешь сказать в письме. А не то ты видишь сама, какие могут выйти неприятности для всего тегумайского племени, да и Незнакомцу придётся иногда нелегко.

После этого тегумайское племя приняло в свою среду Незнакомца (хотя он был настоящий теварец). Племя усыновило его, потому что он оказался большим джентльменом и не скандалил, когда доисторические дамы облепляли всю его голову грязью. Но с того дня и до нынешнего (и, по-моему, это всё из-за Таффи) не много на свете найдётся таких маленьких девочек, которые любят учиться читать и писать. Больше нравится им рисовать картинки и тихонько играть где-нибудь неподалёку от папы — совсем как Таффи.

Кошка, гулявшая сама по себе

Слушай, мой милый мальчик, слушай, внимай, разумеи, потому что это случилось, потому что это произошло, потому что это было ещё в ту далёкую пору, когда Ручные Животные были Животными Дикими.

Собака была дикая, и Лошадь была дикая, и Корова была дикая, и Овца была дикая, и Свинья была дикая — и все они были дикие-предикие и дико блуждали по Мокрым и Диким Лесам.

Но самая дикая была Дикая Кошка — она бродила где вздумается и гуляла сама по себе.

Человек, конечно, был тоже дикий, страшно дикий, ужасно дикий. И никогда бы ему не сделаться ручным, если бы не Женщина. Это она объявила ему — при первой же встрече, — что ей не нравится его дикая жизнь. Она живо сыскала ему для жилья уютную, сухую Пещеру, потому что спать в Пещере было куда лучше, чем валяться под открытым небом на куче сырой листвы. Она посыпала пол чистым песочком и развела в глубине Пещеры отличный костёр.

Потом она повесила у входа в Пещеру шкуру Дикой Лошади хвостом вниз и сказала Мужчине:

— Вытирай, милый, ноги, перед тем как войти: ведь теперь у нас хозяйство.

В этот вечер, мой милый мальчик, они ужинали дикой овцой, зажаренной на раскалённых камнях, приправленной диким чесноком и диким перцем. Потом они съели дикую утку, начинённую диким рисом, дикими яблоками и дикой гвоздикой; потом хрящики диких быков; потом дикие вишни и дикие гранаты. Потом Мужчина, очень счастливый, пошёл и заснул у

огня, а Женщина села колдовать: она распустила волосы, взяла плечевую баранью кость, очень плоскую и очень гладкую, и стала пристально всматриваться в проходящие по кости разводы. Потом она подбросила поленьев в огонь и затянула песню. Это было Первое в мире Колдовство, Первая Волшебная Песня.

И собрались в Мокром и Диком Лесу все Дикие Звери; сбились в одно стадо и, глядя на свет огня, не знали, что это такое.

Но вот топнул дикой ногой Дикий Конь и дико сказал:

— О Друзья мои! О мои Недруги! Чует сердце моё: не к добру засветили Мужчина и Женщина в большой Пещере большой огонь. Нет, это не к добру!

Дикий Пёс задрал дикий нос, понюхал, как пахнет баранье жаркое, и дико сказал:

— Пойду погляжу, а потом расскажу. Мне кажется, что там не так уж плохо. Кошка, пойдём со мною!

— Ну нет,— отвечала Кошка.— Я, Кошка, хожу где вздумается и гуляю сама по себе.

— Ну, тогда я тебе не товарищ,— сказал Дикий Пёс и побежал к Пещере во весь дух.

Но не пробежал он и десяти шагов, а Кошка уже подумала: «Я, Кошка, хожу где вздумается и гуляю сама по себе. Почему бы мне не пойти туда и не посмотреть, как и что? Ведь я пойду по своей собственной воле». И она тихохонько побежала за Псом, ступая мягко-прямько, и забралась в такое местечко, откуда ей было слышно решительно всё.

Когда Дикий Пёс подошёл к Пещере, он диким носом приподнял лошадиную шкуру и стал упиваться прекрасным запахом бараньего жаркого, а Женщина, колдовавшая костью, услышала шорох и сказала, смеясь:

— Вот, уже пришёл первый. Ты, из Дикого Леса Дикая Тварь, чего тебе надобно здесь?

И отвечал Дикий Пёс:

— Скажи мне, о Враг мой, Жена Врага моего, что это пахнет так нежно среди этих Диких Лесов?

И нагнулась Женщина, и подняла с полу кость, и бросила Дикому Псу, и сказала:

— Ты, из Дикого Леса Дикая Тварь, отведай, погрызи эту кость.

Взял Дикий Пёс эту кость в свои дикие зубы, и она оказалась вкуснее всего, что он грыз до той поры, и он обратился к Женщине с такими словами:

— Послушай, о Враг мой, Жена моего Врага, брось мне скорее другую такую же кость.

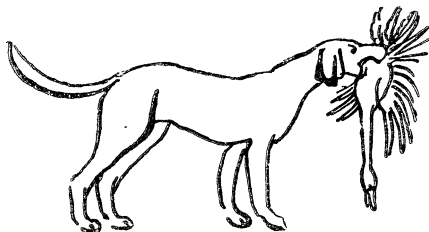
И отвечала ему Женщина:

— Ты, из Дикого Леса Дикая Тварь, поди помоги моему Мужчине ходить за добычей, стеречь эту Пещеру по ночам, и я дам тебе столько костей, сколько тебе будет нужно.

— Ах,— сказала Кошка, слушая их разговор,— это очень умная Женщина, хотя, конечно, не умнее меня.

Дикий Пёс забрался в Пещеру, положил голову Женщине на колени и сказал:

— О мой Друг, Жена моего Друга, хорошо. Я готов помогать твоему Мужчине охотиться, я буду стеречь по ночам вашу Пещеру.

— Ах,— сказала Кошка, слушая их разговор,— что за глупец этот Пёс!

И она пошла прочь, пробираясь по Дикому Лесу и дико помахивая своим диким хвостом. Но обо всём, что видела, никому не сказала ни слова.

Проснувшись, Мужчина спросил:

— Что здесь делает Дикий Пёс?

И ответила Женщина:

— Его имя уже не Дикий Пёс, а Первый Друг, и он будет нам другом на веки веков. Как пойдёшь на охоту, возьми и его с собой.

На следующий вечер Женщина нарезала на заливных лугах большую охапку травы и разложила её сушиться у огня, и, когда пошёл от травы такой запах,

как от свежескошенного сена, она села у входа в Пещеру, сделала из лошадиной кожи уздечку и, уставившись на плечевую баранью кость — на широкую, большую лопатку, — снова принялась колдовать и запела волшебную песню.

То было Второе Колдовство и Вторая Волшебная Песня.

И снова в Диком Лесу собрались все Дикие Звери и, глядя издали на огонь, толковали, что такое могло приключиться с Диким Псом. И вот Дикий Конь дико топнул дикой ногой и сказал:

— Пойду погляжу, а потом расскажу, почему Дикий Пёс не вернулся. Кошка, хочешь, отправимся вместе?

— Нет, — отвечала Кошка, — я, Кошка, брожу где вздумается и гуляю сама по себе. Иди один.

Но на самом деле она тихонько прокралась за Диким Конём, ступая мягко-премягко, и забралась в такое местечко, откуда было слышно решительно всё.

Услыхала Женщина конский топ, услышала, как пробирается к ней Дикий Конь, наступая на свою длинную гриву, засмеялась и сказала:

— А вот и второй идёт! Ты, из Дикого Леса Дикая Тварь, чего тебе надобно здесь?

Дикий Конь отвечал:

— Ты, мой Враг, Жена моего Врага, отвечай мне скорее, где Дикий Пёс?

Женщина засмеялась, подняла с полу баранью лопатку, поглядела на неё и сказала:

— Ты, из Дикого Леса Дикая Тварь, не за Псом ты пришёл сюда, а за сеном, за этой вкусной травой.

Дикий Конь, перебирая ногами и наступая на свою длинную гриву, сказал:

— Это правда. Дай-ка мне сена!

Женщина отвечала:

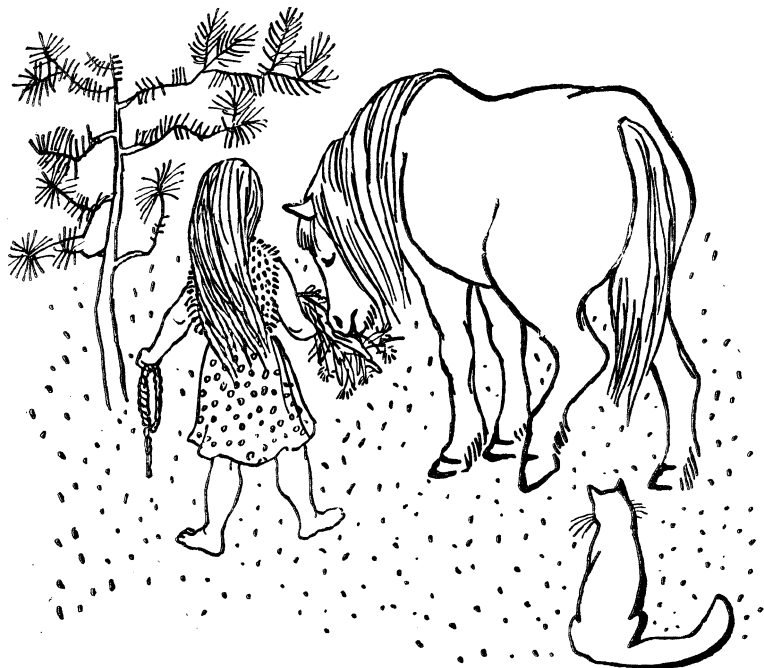
— Ты, из Дикого Леса Дикая Тварь, склони свою дикую голову и носи, что я надену на тебя,— носи, не снимая во веки веков, и трижды в день ты будешь есть эту дивную траву.

— Ах,— сказала Кошка, слушая их разговор,— эта Женщина очень умна, но, конечно, не умнее меня.

И нагнул Дикий Конь свою дикую голову, и Женщина накинула на неё только что сплетённую уздечку, и дохнул он своим диким дыханием прямо на ноги Женщине и сказал:

— О моя Госпожа, о Жена моего Господина, за чудесную эту траву я буду тебе вечным рабом!

— Ах,— сказала Кошка, слушая их разговор,— какой он глупец, этот Конь!

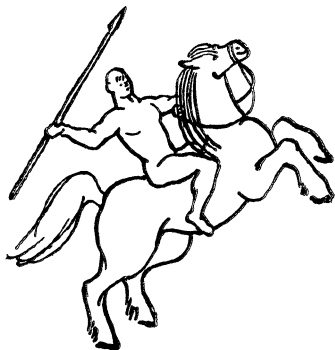
И снова она бросилась в чащу Дикого Леса, дико помахивая своим диким хвостом. Но обо всём, что слышала, никому не сказала ни слова.

Когда Пёс и Мужчина вернулись с охоты, Мужчина сказал:

— А что здесь делает Дикий Конь?

И Женщина отвечала:

— Не Дикий Конь уже имя его, но Первый Слуга, так как с места на место он будет возить нас во веки веков. Когда ты соберёшься на охоту, садись на него верхом.

На следующий день подошла к Пещере Корова. Она тоже была дикая и должна была высоко задирать свою дикую голову, чтобы не зацепиться дикими рогами за дикие деревья. Кошка прокралась вслед за ней и спряталась точно так же, как и раньше; и всё случилось точно так же, как раньше; и Кошка сказала то же, что раньше; и когда Дикая Корова в обмен на прекрасную траву обещала Женщине своё молоко, Кошка бросилась в Дикий Лес и дико замахала своим диким хвостом, опять-таки точно так же, как раньше.

И обо всём, что слышала, никому не сказала ни слова.

А когда Пёс, Человек и Конь вернулись с охоты и Человек спросил точно так же, как раньше, что делает здесь Дикая Корова, Женщина отвечала точно так же, как раньше:

— Теперь не Дикая Корова ей имя, но Подательница Хорошей Еды. Она будет давать нам белое парное молоко во веки веков, и я готова ходить за ней, пока ты, да наш Первый Друг, да наш Первый Слуга будете в лесу на охоте.

Напрасно Кошка прождала весь день, чтобы ещё кто-нибудь из Диких Зверей пришёл к Пещере: больше никто не приходил из Мокрого Дикого Леса. Так что Кошке поневоле пришлось блуждать одиноко, самой по себе. И вот увидела она Женщину, которая сидела и доила Корову. И увидела она в Пещере свет и почуяла запах белого парного молока. И сказала она Женщине:

— Ты, мой Враг, Жена моего Врага! Скажи: не видала ли ты Коровы?

Женщина засмеялась и сказала:

— Ты, из Дикого Леса Дикая Тварь, ступай себе в Лес подбру-поздорову! Мне больше не надо ни слуг, ни друзей. Я уже заплела мою косу и спрятала волшебную кость.

И ответила Дикая Кошка:

— Я не друг и не слуга. Я, Кошка, хожу где вздумается и гуляю сама по себе, и вот мне вздумалось прийти к тебе в Пещеру.

И спросила её Женщина:

— Почему в первый же вечер ты не пришла с Первым Другом?

Кошка рассердилась и сказала:

— Должно быть, Дикий Пёс уже наговорил тебе про меня небылиц!

Женщина засмеялась и сказала:

— Ты, Кошка, гуляешь сама по себе и ходишь где тебе вздумается. Ты сама говоришь, что ты не слуга и не друг. Иди же отсюда сама по себе куда вздумается!

Кошка притворилась обиженной и сказала:

— Неужели мне иной раз нельзя прийти к тебе в Пещеру и погреться у горячего огня? И неужели ты никогда не дашь мне полакомиться белым парным молоком? Ты такая умница, ты такая красавица,— нет, хоть я и Кошка, а ты не будешь жестока со мной.

Женщина сказала:

— Я знаю, что я умница, но что я красавица — не знала. Давай заключим договор. Если я хоть раз похвалю тебя, ты можешь войти в Пещеру.

— А если ты дважды похвалишь меня? — спросила Кошка.

— Ну, этому не бывать,— сказала Женщина.— Но если это случится, входи и садись у огня.

— А что, если ты трижды похвалишь меня? — спросила Кошка.

— Ну, этому не бывать,— сказала Женщина.— Но если это случится, приходи и получай молоко три раза в день до скончания века!

Кошка выгнула спину и сказала:

— Ты, Занавеска у входа в Пещеру, и ты, Огонь в глубине Пещеры, и вы, Молочные Крынки, стоящие у Огня, вас я беру в свидетели: запомните, что сказал мой Враг, Жена моего Врага!

И, повернувшись, ушла в Дикий Лес, дико помахивая диким хвостом.

Когда в тот вечер Пёс, Мужчина и Конь возвратились с охоты в Пещеру, Женщина ни слова не сказала им о своём договоре с Кошкой, так как боялась, что это им не понравится.

Кошка ушла далеко-далеко и так долго скрывалась в Диком Лесу, что Женщина забыла и думать о

ней. Только Летучая Мышь, висевшая вверх ногами у входа в Пещеру, знала, где скрывается Кошка, и каждый вечер подлетала к тому месту и сообщала Кошке все новости.

Как-то вечером прилетает она к Кошке и говорит:

— А в Пещере — Младенчик! Он совсем, совсем новенький. Такой розовый, толстый и крошечный. И он очень нравится Женщине.

— Отлично, — сказала Кошка. — А что же нравится Младенчику?

— Мягкое и гладкое, — ответила Летучая Мышь. — Как идти спать, он берёт в ручонки что-нибудь тёплое и засыпает. Потом ему нравится, чтобы с ним играли. Вот и всё, что ему нравится.

— Отлично, — сказала Кошка. — Если так, то мой час настал.

На следующий вечер Кошка пробралась к Пещере по Дикому Лесу и просидела недалеко до самого утра. Утром Пёс, Человек и Конь ушли на охоту, а Женщина занялась стряпнёй. Ребёнок плакал и отрывал её от работы. Она вынесла его из Пещеры и дала ему камешков поиграть, но он не унимался.

Тогда Кошка протянула пухлую лапу и погладила Ребёнка по щеке, и замурлыкала, и пошла тереться о его коленку, и хвостом защекотала ему подбородок. Ребёнок засмеялся, и Женщина, слыша его смех, улыбнулась.

Тогда воскликнула Летучая Мышь — маленькая Летучая Мышь, висевшая вверх ногами у входа в Пещеру:

— О Хозяйка моя, Жена моего Хозяина, Мать Хозяйского Сына! Из Дикого Леса пришла Дикая Тварь и как славно она играет с твоим Ребёнком!

— Спасибо Дикой Твари,— сказала Женщина, разгибая спину.— У меня так много работы, а она оказала мне большую услугу.

И вот, милый мальчик, не успела она вымолвить это, как в ту же минуту и в ту же секунду — бух, бух! — падает лошадиная шкура, висевшая хвостом книзу у входа в Пещеру (это она вспомнила, что у Женщины с Кошкой был договор), и не успела Женщина поднять её, а Кошка уже сидит в Пещере, усе- лась поудобнее и сидит.

— Ты, мой Враг, ты, Жена Врага моего, ты, Мать моего Врага,— сказала Кошка,— посмотри: я здесь. Ты похвалила меня — и вот я здесь и буду сидеть в Пещере во веки веков. Но всё же запомни: я, Кошка, хожу где вздумается и гуляю сама по себе.

Женщина очень рассердилась, но прикусила язык и села за прялку прясть.

Но Ребёнок заплакал опять, потому что Кошка ушла от него; и Женщина не могла его унять: он бился, брыкался и весь посинел от крика.

— Ты, мой Враг, ты, Жена Врага моего, ты, Мать моего Врага,— сказала Кошка — послушай, что я тебе скажу: возьми оторви кусочек нитки от той, которую ты прядёшь, привяжи к ней своё веретёнце, и я так наколдую тебе, что Ребёнок сию же минуту засмеётся и будет смеяться так же громко, как плачет теперь.

— Ладно,— сказала Женщина.— Я уже совсем потеряла голову. Но помни: благодарить тебя я не стану.

Она привязала к нитке глиняное веретёнце и потянула его по полу, и Кошка побежала за ним, и хватала его, и кувыркалась, и швыряла его к себе на спину, и ловила его задними лапами, и нарочно отпускала его, а потом кидалась вдогонку,— и вот Ребёнок засмеялся ещё громче, чем плакал; он ползал за Кошкой по всей Пещере и резвился, пока не устал. Тогда он задремал вместе с Кошкой, не выпуская её из рук.

— А теперь,— сказала Кошка,— я спою ему песню, убаюкаю его на часок.

И как пошла она мурлыкать то громче, то тише, то тише, то громче,— ребёнок и заснул крепким сном.

Женщина поглядела на них и с улыбкой сказала:

— Это была неплохая работа! Что бы там ни было, всё же ты умница, Кошка.

Не успела она договорить — п ф ф ф! — дым от Огня тучами за клубился в Пещере: это он вспомнил, что у Женщины с Кошкой был договор. И когда дым рассеялся, глядь, Кошка сидит у огня, уселась поудобнее и сидит.

— Ты, мой Враг, ты, Жена Врага моего, ты, Мать моего Врага,— сказала Кошка,— посмотри: я здесь. Ты снова похвалила меня, и вот я здесь, у тёплого очага, и отсюда я не уйду во веки веков. Но всё же запомни: я, Кошка, хожу где вздумается и гуляю сама по себе.

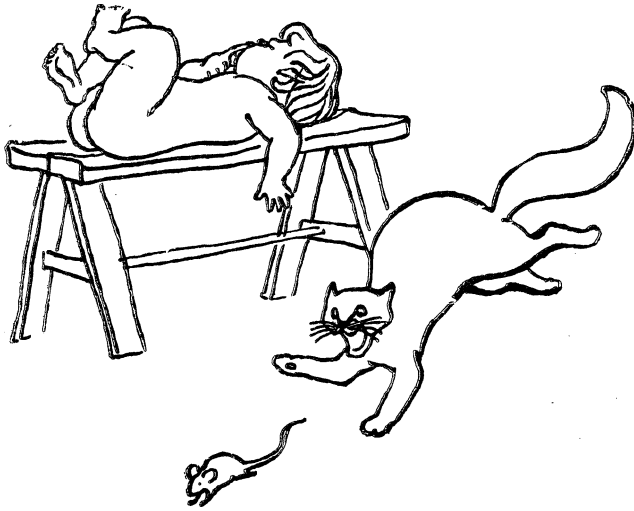
Женщина очень рассердилась, распустила волосы, подбросила дров в огонь, достала баранью кость и пошла опять колдовать, чтобы как-нибудь ненароком в третий раз не похвалить эту Кошку.

Но, милый мальчик, она колдовала без звука, без песни,— и вот в Пещере стало так тихо, что какая-то Крошка Мышка выскочила из угла и тихонько забегала по полу.

— Ты, мой Враг, ты, Жена Врага моего, ты, Мать моего Врага,— сказала Кошка,— это ты вызвала Мышку своим колдовством?

— Ай-ай-ай! Нет! — закричала Женщина, выронила кость, вскочила на скамеечку, стоявшую у огня, и поскорее подобрала свои волосы, чтобы Мышка не взбежала по ним.

— Ну, если ты не заколдовала её,— сказала Кошка,— мне будет не вредно её съесть.

— Конечно, конечно! — сказала Женщина, заплетая косу. — Съешь её поскорее, и я век буду благодарна тебе.

В один прыжок поймала Кошка Мышку, и Женщина воскликнула от души:

— Спасибо тебе тысячу раз! Сам Первый Друг ловит Мышей не так быстро, как ты. Ты, должно быть, большая умница.

Не успела она договорить, как — трах! — в ту же самую минуту и в ту же самую секунду треснула Крынка с молоком, стоявшая у очага, — треснула пополам, потому что вспомнила, какой договор был у Женщины с Кошкой. И не успела Женщина сойти со скамеечки, глядь, а Кошка уже лакает из одного черепка этой Крынки белое парное молоко.

— Ты, мой Враг, ты, Жена Врага моего, ты, Мать моего Врага, — сказала Кошка, — посмотри: я здесь. В третий раз похвалила ты меня: давай же мне триж-

ды в день побольше белого парного молока — во веки веков. Но всё же запомни: я, Кошка, хожу где вздумается и гуляю сама по себе.

И засмеялась Женщина и, поставив миску белого парного молока, сказала:

— О Кошка! Ты разумна, как человек, но помни: договор наш был заключён, когда не было дома ни Пса, ни Мужчины; не знаю, что скажут они, как вернутся домой.

— Какое мне до этого дело! — сказала Кошка.— Мне бы только местечко в Пещере и три раза в день побольше белого парного молока, и я буду очень довольна. Никакие Псы, никакие Мужчины меня не касаются.

В тот же вечер, когда Пёс и Мужчина вернулись с охоты в Пещеру, Женщина рассказала им всё как есть о своём договоре с Кошкой, а Кошка сидела у огня и очень приятно улыбалась.

И сказал Мужчина:

— Всё это хорошо, но не худо бы ей и со мной заключить договор. Через меня она заключит его со всеми Мужчинами, которые будут после меня.

Он взял пару сапог, взял кремнёвый топор (итого три предмета), принёс со двора полено и маленькую секиру (итого пять), поставил всё это в ряд и сказал:

— Давай и мы заключим договор. Ты живёшь в Пещере во веки веков, но если ты забудешь ловить Мышей — посмотри-ка на эти предметы: их пять, и я имею право любой из них швырнуть в тебя, и так же вслед за мною будут поступать все Мужчины.

Женщина услышала это и молвила про себя:

«Да, Кошка умна, а Мужчина умнее».

Кошка сосчитала все вещи — они были довольно тяжёлые — и сказала:

— Ладно! Я буду ловить Мышей во веки веков, но

всё же я, Кошка, хожу где вздумается и гуляю сама по себе.

— Гуляй, гуляй,— отозвался Мужчина,— да только не там, где я. Попадёшься мне на глаза, я сейчас же швырну в тебя либо сапогом, либо поленом, и так станут поступать все Мужчины, которые будут после меня.

Тогда выступил Пёс и сказал:

— погоди. Теперь мой черёд заключать договор. А через меня договор будет заключён и со всеми другими Псами, которые будут жить после меня.— Он оскалил зубы и показал их Кошке.— Если, пока я в Пещере, ты будешь неласкова с Ребёнком,— продолжал он,— я буду гоняться за тобою, пока не поймаю тебя, а когда я поймаю тебя, я искусаю тебя. И так станут поступать все Собаки, которые будут жить после меня во веки веков.

Услышала это Женщина и молвила про себя:

— Да, эта Кошка умна, но не умнее Собаки.

Кошка сосчитала собачьи зубы, и они показались ей очень острыми. Она сказала:

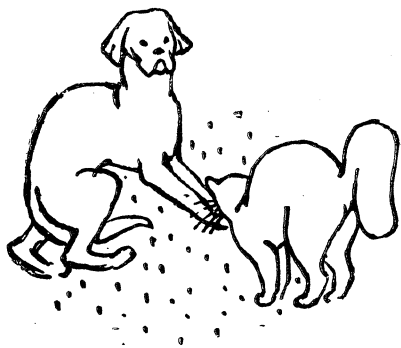
— Хорошо, пока я в Пещере, я буду ласкова с Ребёнком, если только Ребёнок не станет слишком больно таскать меня за хвост. Но не забудьте: я, Кошка, хожу где вздумается и гуляю сама по себе.

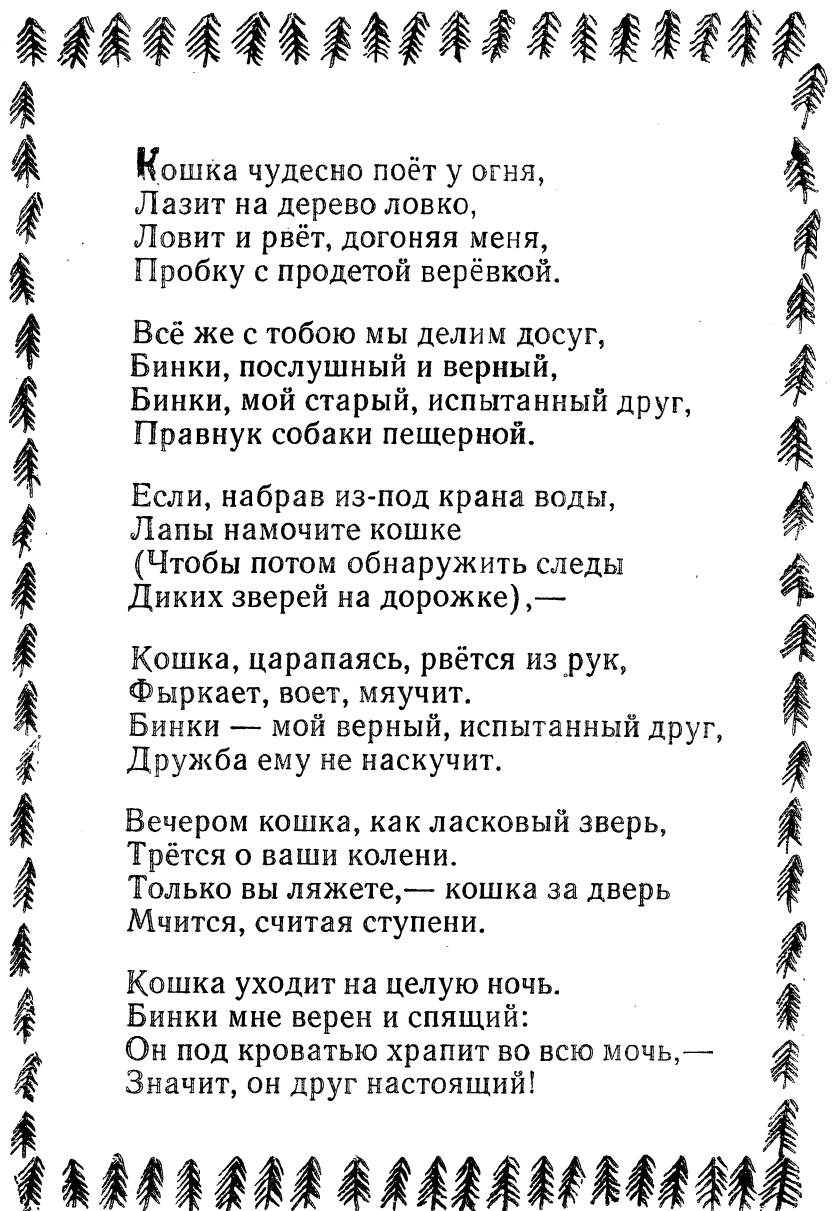
— Гуляй, гуляй,— отозвался Пёс,— да только не там, где я. А не то, чуть встречу тебя, я сейчас же залаяю, налечу на тебя и загоню тебя вверх на дерево. И так станут поступать все Собаки, которые будут жить после меня.

И тотчас же, не теряя ни минуты, кинул Мужчина в Кошку двумя сапогами да кремнёвым топориком, и Кошка бросилась вон из Пещеры, а Пёс погнался за ней и загнал её вверх на дерево,— и с того самого дня, мой мальчик, и поныне трое Мужчин из пяти —

если они настоящие Мужчины — швыряют разными предметами в Кошку, где бы она ни попалась им на глаза, и все Псы — если они настоящие Псы, — все до одного, загоняют её вверх на дерево. Но и Кошка верна своему договору. Пока она в доме, она ловит мышей и ласкова с детьми, если только дети не слишком больно таскают её за хвост. Но чуть улучит минуту, чуть настанет ночь и взойдёт луна, сейчас же она говорит: «Я, Кошка, хожу где вздумается и гуляю сама по себе», и бежит в чащу Дикого Леса, или влезает на мокрые Дикие Деревья, или взбирается на мокрые Дикие Крыши и дико машет своим диким хвостом.

Кошка чудесно поёт у огня,
Лазит на дерево ловко,
Ловит и рвёт, догоняя меня,
Пробку с продетой верёвкой.

Всё же с тобою мы делим досуг,
Бинки, послушный и верный,
Бинки, мой старый, испытанный друг,
Правнук собаки пещерной.

Если, набрав из-под крана воды,
Лапы намочите кошке
(Чтобы потом обнаружить следы
Диких зверей на дорожке),—

Кошка, царапаясь, рвётся из рук,
Фыркает, воет, мяучит.
Бинки — мой верный, испытанный друг,
Дружба ему не наскучит.

Вечером кошка, как ласковый зверь,
Трётся о ваши колени.
Только вы ляжете,— кошка за дверь
Мчится, считая ступени.

Кошка уходит на целую ночь.
Бинки мне верен и спящий:
Он под кроватью храпит во всю мочь,—
Значит, он друг настоящий!

Мотылёк, который топнул ногой

Вот тебе, милый мой мальчик, новая чудесная сказка — совсем особенная, не похожая на все остальные, — сказка о мудрейшем царе Сулеймане-ибн-Дауде — о Соломоне, сыне Давида.

На свете существует триста пятьдесят сказок о Сулеймане-ибн-Дауде; но эта сказка не из их числа. Эта сказка — о мотыльке, который топнул ногой.

Так слушай же, слушай внимательно!

Сулейман-ибн-Дауд был мудрец. Он понимал, что говорят звери, что говорят птицы, что говорят рыбы, что говорят насекомые. Он понимал, что говорят камни глубоко под землёй, когда они давят друг друга и стонут. И он понимал, что говорят деревья, когда они шелестят на рассвете листвою. Он понимал всех — и осу, и лису, и осину в лесу. И прекрасная царица Балкида, его Первая и Главная царица, была почти такая же мудрая.

Сулейман-ибн-Дауд был могуч. На среднем пальце правой руки у него было золотое кольцо. Стоило ему повернуть это кольцо, как из-под земли вылетали Африты и Джинны и делали всё, что он вздумает им приказать. А стоило ему повернуть кольцо дважды, с неба спускались Феи и тоже делали всё, что он вздумает им приказать. Когда же он поворачивал своё кольцо три раза, перед ним появлялся с мечом сам великий ангел Азраил, в одежде простого водоноса, и сообщал ему обо всём, что происходит на земле, на небесах и под землёй.

И всё же Сулейман-ибн-Дауд был человек очень скромный. Он почти никогда не хвастался, а если ему

случалось похвастаться, он потом жалел об этом и раскаивался.

Однажды он объявил, что желает накормить в один день всех зверей, какие только существуют на свете, но, когда он приготовил еду, из глубины моря выплыла какая-то большая Зверюга и сожрала всё в три глотка. Сулейман-ибн-Дауд был очень удивлён и сказал:

— О Зверюга, кто ты такая?

И Зверюга ответила:

— О повелитель! Желаю тебе здравствовать во веки веков! Я самый маленький из тридцати тысяч братьев, и мы живём на дне моря. Мы прослышали, что ты хочешь накормить всех зверей, какие только существуют на свете, и мои братья послали меня узнать у тебя, скоро ли будет обед.

Сулейман - ибн-Дауд был страшно удивлён и сказал:

— О Зверюга, ты сожрала весь обед, приготовленный мною для всех зверей, какие только существуют на свете.

И сказала ему Зверюга:

— О владыка, желаю тебе здравствовать во веки веков! Но неужели ты и в самом деле называешь это обедом? Там, откуда я пришла, каждому из нас требуется вдвое больше еды, чтобы перекусить между обедом и ужином.

Тогда Сулейман-ибн-Дауд пал ниц и воскликнул:

— О Зверюга, я приготовил этот обед, чтобы показать всем, какой я великий и богатый царь, а вовсе не потому, что я действительно люблю зверей! Теперь я посрамлён, и да послужит мне это хорошим уроком.

Сулейман-ибн-Дауд был и вправду мудрец, милый мой мальчик. После этого случая он никогда уже не забывал, что хвастаться глупо. И вот теперь-то начинается настоящая сказка.

У Сулеймана-ибн-Дауда было много жён. У него было девятьсот девяносто девять жён, если не считать прекраснейшей Балкиды. Все они жили в большом золотом дворце посреди прелестного сада с фонтанами.

На самом деле Сулейману-ибн-Дауду вовсе не нужны были девятьсот девяносто девять жён, но в то время у всякого было по несколько жён, так что царю, конечно, приходилось брать себе ещё больше, чтобы показать, что он царь.

Одни из них были красавицы, другие просто уроды. Уроды вечно враждовали с красавицами, и те от этого тоже становились уродами, и все они ссорились с Сулейманом-ибн-Даудом, что причиняло ему большие страдания. Одна лишь прекрасная Балкида ни-

когда не ссорилась с Сулейманом-ибн-Даудом, слишком уж она любила его. Она либо сидела у себя в золотом дворце, либо гуляла по дворцовому саду, и ей очень было жалко Сулеймана-ибн-Дауда.

Конечно, если бы он пожелал повернуть у себя на пальце кольцо и позвать Джиннов и Афритов, они превратили бы всех его девятьсот девяносто девять жён в белых ослиц, или в борзых собак, или в зёрна граната. Но Сулейман-ибн-Дауд боялся снова оказаться хвастунишкой.

Поэтому, когда его сварливые жёны ссорились слишком уж громко, он только уходил в укромный уголок своего дворцового сада и проклинал тот час, когда он родился на свет.

Однажды случилось так, что они ссорились уже три недели подряд — все девятьсот девяносто девять жён. Сулейман-ибн-Дауд удалился от них, как обычно, в мирный уголок. И среди апельсиновых деревьев он встретил Балкиду Прекраснейшую. И она сказала:

— О мой господин, свет моих очей, поверни у себя на пальце кольцо и покажи этим египетским, месопотамским, китайским, персидским царицам, какой ты великий и грозный владыка.

Но Сулейман-ибн-Дауд покачал головой и ответил:

— О моя госпожа, радость моей жизни, вспомни Зверюгу, которая выплыла из морской глубины и посрамила меня перед всеми зверями, какие только есть на земле, из-за того, что я вздумал похвастаться. Теперь, если я стану хвастать перед этими персидскими, абиссинскими, китайскими, египетскими царицами лишь из-за того, что они надоедают мне своей болтовнёй, я могу ещё сильнее осрамиться.

И Балкида Прекраснейшая сказала в ответ:

— О мой господин, сокровище моей души, что же ты будешь делать?

И Сулейман-ибн-Дауд ответил:

— О моя госпожа, услада моего сердца, придётся сверить свою судьбу в руки тех девятиста девяти цариц, которые выводят меня из терпения своими беспрестанными ссорами.

И он пошёл мимо лилий и японских локатов, мимо роз, канн и пахучего инбиря, которые произрастали в саду, и пришёл к огромному камфорному дереву, которое прозвали Камфорное Дерево Сулеймана-ибн-Дауда.

Но Балкида спряталась меж высоких ирисов, пятнистых бамбуков и красных лилий, чтобы быть поближе к возлюбленному своему Сулейману-ибн-Дауду.

В это время под деревом пролетали два мотылька. Они ссорились.

Сулейман-ибн-Дауд услышал, что один из них сказал другому:

— Как ты смеешь говорить со мною так дерзко и грубо? Разве ты не знаешь, что стоит мне топнуть ногой — и разразится гроза, и весь дворец Сулеймана-ибн-Дауда, и весь этот сад провалятся в тартарары!

Тогда Сулейман-ибн-Дауд забыл про всех своих девятьсот девяносто девять сварливых жён и засмеялся. Он смеялся над хвастовством Мотылька, и смеялся так долго, что затряслось даже камфорное дерево. И он протянул палец и сказал:

— Поди-ка ты сюда, человечек!

Мотылёк страшно испугался, но ничего не подделал, пришлось ему подлететь к Сулейману-ибн-Дауду и сесть, трепеща крылышками, на его протянутый па-

лец. Сулейман-ибн-Дауд наклонил голову и тихонько прошептал:

— Ах, человек, тебе же отлично известно, что, сколько бы ты ни топал ногой, от этого не шелохнётся даже травинка! Почему же ты так беззастенчиво лжёшь своей жене? Ведь это верно, что она твоя жена?

Мотылёк поглядел на Сулеймана-ибн-Дауда и увидел мудрейшие очи царя, мерцавшие, как звёзды в морозную ночь. И он сложил крылышки, и наклонил голову, и собрал всё своё мужество, и сказал:

— В самом деле, это моя жена, а ты сам хорошо понимаешь, что они такое, наши жёны.

Сулейман-ибн-Дауд ухмыльнулся в бороду и ответил:

— Да, брат мой, мне это отлично известно.

— Надо же держать их в послушании,— сказал

Мотылёк. — А моя жена ругает меня уже целое утро, и я припугнул её, чтобы она перестала бушевать и браниться.

И Сулейман-ибн-Дауд сказал:

— Что ж, может быть, это и в самом деле утихомирит её. Иди к своей жене, о мой брат, а я послушаю, что ты скажешь ей.

Полетел Мотылёк обратно к своей жене, которая сидела под листком и трепетала от страха. И она воскликнула:

— Он слышал твои слова! Сулейман-ибн-Дауд слышал, что ты сказал!

— Слышал, — отвечал Мотылёк. — Я и хотел, чтоб он слышал.

— И что же он сказал? О, что же он сказал?

— Ну, — отвечал Мотылёк, важно помахивая крылышками, — между нами, дорогая (конечно, я не обвиняю его, потому что дворец очень дорого стоит, да и апельсины как раз поспевают). В общем, он просил меня не топтать, и я обещал, что не топну.

— Боже мой! — воскликнула жена Мотылька и притихла, а Сулейман-ибн-Дауд смеялся до слёз над бесстыдством этого пройдохи.

Балкида Прекраснейшая стояла за деревом среди алых лилий и улыбалась украдкой, так как она слышала весь разговор. И она подумала: «Если я в самом деле мудрая, я могу избавить моего господина от докучающих ему сварливых цариц». Она протянула палец и тихонько прошептала жене Мотылька:

— Крохотная женщина, поди-ка сюда!

Бабочка ужасно испугалась, но ничего не поделаешь, она подлетела к Балкиде и уселась на её белой руке.

Балкида наклонила свою прекрасную голову и прошептала:

— Крохотная женщина, неужто ты и вправду поверила тому, что сказал тебе муж?

Бабочка взглянула на Балкиду и увидела очи Прекрасной царицы, блестящие, как блестит озеро в лунную ночь. Бабочка сложила крылышки и, собрав всё своё мужество, сказала:

— О царица, красуйся во веки веков! Ты же знаешь, что такое мужья!

И царица Балкида, мудрая Балкида Савская, подняла руку к губам, чтобы скрыть улыбку, и сказала:

— Да, сестра моя, знаю.

— Они выходят из себя по пустыкам,— сказала

Бабочка, быстро-быстро раскрывая и складывая крылышки,— и мы должны ублажать их, о Царица, чтобы они не ворчали. Они никогда не думают даже половины того, что говорят. Если мужу моему так хочется верить, будто я поверила, что стоит ему топнуть ногой и дворец Сулеймана-ибн-Дауда исчезнет, пускай себе верит, не стану ему возражать. Всё равно завтра он об этом забудет.

— Да, сестра моя, ты совершенно права,— сказала Балкида,— но, когда он в следующий раз начнёт перед тобою похвально, поймай его на слове. Скажи ему, чтобы он и в самом деле топнул ногой, и посмотри, что из этого выйдет. Он будет сильно посрамлён. Вот увидишь.

Бабочка улетела к своему Мотыльку, а через пять минут они уже ссорились — ещё сильнее, чем прежде.

— Вспомни,— сказал Мотылёк,— вспомни, что я могу сделать, если топну ногой!

— Я тебе нисколько не верю,— ответила Бабочка,— и я была бы рада поглядеть, как это у тебя получится. Топни! Топни! Пожалуйста, топни!

— Я обещал Сулейману-ибн-Дауду не топтать, и я не хочу нарушать своё слово.

— Сколько ни топай, всё равно ничего не получится. Даже маленькая травинка и та не шелохнётся. Что же ты не топаешь? Топни! Топни! Говорю тебе: топни!

Сидя под камфорным деревом, Сулейман-ибн-Дауд слышал каждое слово и смеялся так, как ещё никогда не смеялся.

Он забыл про цариц, он забыл про Зверюгу, выплывшую из морской глубины, он забыл про своё хвастовство. И Балкида, стоя за деревом, тоже смеялась, потому что её возлюбленному было так весело.

Но вот Мотылёк, раздражённый, взволнованный, снова спустился под камфорное дерево и сказал Сулейману-ибн-Дауду:

— Она хочет, чтобы я топнул. Она хочет поглядеть, что из этого выйдет. О Сулейман-ибн-Дауд, ты же знаешь, что у меня ничего не получится! И теперь она уже никогда не поверит ни одному моему слову и будет смеяться надо мной до конца моих дней.

— Нет, о брат мой,— сказал Сулейман-ибн-Дауд,— этого не будет, уверяю тебя.

И он повернул на пальце кольцо (только для того, чтобы помочь Мотыльку, а не для того, чтобы похвастать своим всемогуществом), и в мгновение ока четыре огромных Джинна возникли перед ним из-под земли.

— Рабы,— сказал Сулейман-ибн-Дауд,— когда этот господин, что сидит у меня на пальце (там сидел хвастливый Мотылёк), топнет левой передней ногой, сделайте так, чтобы разразилась гроза, грянул гром и этот дворец и все эти сады сгинули с глаз, исчезли. Когда же он топнет опять, осторожно поставьте их на прежнее место.

— Теперь, о брат мой,— сказал он Мотыльку,— отправляйся к жене и топай в своё удовольствие.

Мотылёк подлетел к жене, которая всё это время кричала:

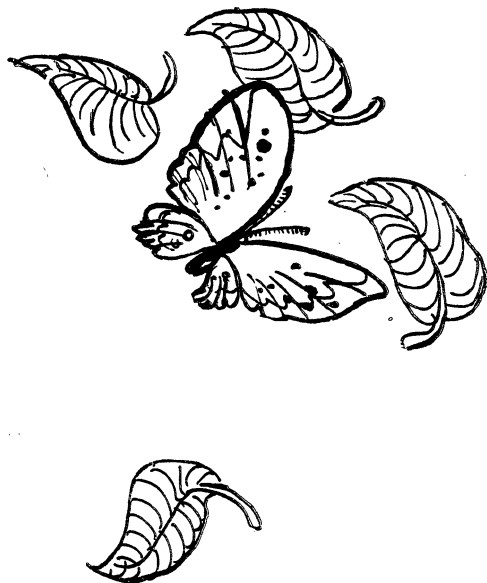
— Что же ты не топаешь? Топни! Ну, топни же! Топни!

За оградой, окружавшей дворец, Балкида увидела четырёх Джиннов и сказала:

— Наконец-то Сулейман-ибн-Дауд для спасения Мотылька делает то, что давным-давно должен был сделать для собственного спасения: угомонит этих сварливых цариц.

Мотылёк топнул. Джинны подхватили дворец и сады и унесли их по воздуху за тысячу миль. Послышался страшный гром, и небо стало чернее чернил. А Бабочка летала во тьме и кричала:

— О, я больше не буду браниться! И зачем я подстрекала его! Мой любимый, мой милый муж, возврати назад и дворец и сады, и я больше никогда не стану перечить тебе!

Мотылёк и сам испугался не меньше своей жены, а Сулейман-ибн-Дауд хохотал так, что в первую минуту даже не мог прошептать Мотыльку:

— Топни опять, о брат мой, верни мне мой дворец, о великий волшебник!

— Да, верни ему дворец! — воскликнула жена Мотылька, которая летала во тьме, как ночная бабочка. — Верни ему дворец и не занимайся больше таким ужасным чародейством!

— Ладно, дорогая, так и быть! — сказал Мотылёк, всячески стараясь придать себе храбрости. — Вот видишь, что получилось оттого, что ты придиралась ко мне. Понятно, я лично нисколько не беспокоюсь о том, вернётся ли дворец или нет, такие дела для меня не впервой, но из уважения к тебе и к Сулейману-ибн-Дауду я не возражаю против того, чтобы всё воротилось на место.

И он топнул ещё раз, и в ту же секунду Джинны без единого толчка водрузили и сады и дворец на прежнее место.

И всё было по-прежнему. Тёмно-зелёная листва апельсиновых деревьев ярко сверкала на солнце, фонтаны играли меж алых египетских лилий, птицы пели как ни в чём не бывало, а Бабочка лежала на боку под камфорным деревом. Крылышки у неё трепетали, и, задыхаясь, она повторяла:

— Прости меня! Я больше не буду!

Сулейман-ибн-Дауд так смеялся, что с трудом мог вымолвить слово. На него напала икота. Изнемогая от смеха, он протянул Мотыльку палец и сказал:

— О великий волшебник, что из того, что ты возвратил мне дворец, если веселье, которое ты мне доставил, сведёт меня сегодня же в могилу?

Тут раздался страшный шум, потому что из дворца выбежали все девятьсот девяносто девять цариц и стали пронзительно кричать, и визжать, и звать своих малых детей. Они бежали по мраморной лестнице, спускавшейся вниз от фонтанов, — сто женщин на каждой ступени.

Премудрая Балкида выступила величаво вперёд, встретила их и сказала:

— Чего это вы так испугались, царицы?

Они же стояли на мраморной лестнице — сто женщин на каждой ступени — и кричали:

— Чего мы испугались? Это всякому ясно! Ведь мы жили себе поживали в своём золотом дворце, и вдруг наш дворец исчезает неизвестно куда, и мы попадаем в крошечную тьму, и над нами грохочет гром, и Джинны и Африды шныряют во тьме! Вот чего мы испугались, о царица цариц, и мы чрезвычайно испуганы нашим испугом, ибо это самый страшный испуг из всех испугов, какие приводилось нам испытывать за всю нашу жизнь.

Тогда Балкида, Прекраснейшая царица, любимейшая из всех жён Сулеймана-ибн-Дауда, почти столь же премудрая, как сам Сулейман-ибн-Дауд, сказала:

— Ничего особенного не произошло, о царицы. Просто Мотылёк пожаловался на свою жену, которая ссорилась с ним, а Сулейману-ибн-Дауду захотелось научить её кротости и вежливой речи, ибо это считается добродетелью среди мотыльковых жён.

И тогда встала египетская царица, дочь фараона, и сказала:

— Наш дворец нельзя вырвать с корнем, как порей для какой-нибудь ничтожной букашки. Нет! Сулейман-ибн-Дауд, должно быть, уже скончался, и земля сотряслась от горя, и загремели небесные громы, и на землю спустилась тьма.

Тогда Балкида, не поднимая глаз, поманила к себе пальцем эту дерзкую царицу и сказала ей да и всем остальным:

— Вы можете пойти и поглядеть.

Они спустились по мраморной лестнице широкими рядами — в каждом ряду была сотня цариц — и под камфорным деревом увидели премудрого царя Сулеймана-ибн-Дауда, всё ещё изнемогавшего от смеха. Он сидел и покачивался взад-вперёд, и на одной руке у него была Бабочка, а на другой Мотылёк. И царицы услышали, как он говорит:

— О жена моего брата, который летает по воздуху, запомни же отныне и на веки веков, что ты должна угождать своему мужу во всём, иначе он рассердится и топнет ногою опять, ибо он великий чародей и колдун и может, когда ему вздумается, похитить дворец у самого Сулеймана-ибн-Дауда... Ступайте же с миром, вы оба.

Он поцеловал у них крылышки, и они улетели прочь.

Тогда все царицы, которые до сих пор всё ещё стояли и улыбались, все, кроме Прекрасной и Великолепной Балкиды, пали ниц, потому что они сказали себе: «Если творятся такие дела из-за того, что Мотылёк недоволен своею женою, что же будет с нами, докучающими своему повелителю криками и буйными ссорами?»

И они накинули на голову прозрачные ткани и, зажав себе ладонями рот, тихо, как мыши, удалились к себе во дворец.

Тогда Балкида, Прекраснейшая и Великолепная, вышла из зарослей алых лилий под сень камфорного дерева и, положив руку на плечо Сулейману-ибн-Дауду, сказала:

— О господин мой, сокровище моей души, радуйся, потому что мы дали всем этим царицам Египта, Эфиопии, Персии, Индии, Китая хороший урок, который они запомнят навеки.

И Сулейман-ибн-Дауд, всё ещё глядя на мотыльков, игравших в лучах солнца, спросил:

— О моя госпожа, драгоценный камень моей радости, когда же это случилось? Ведь как только я вошёл в сад, я принялся шутить над Мотыльком.

И он рассказал Балкиде всё, что он делал в то время.

И Балкида, ласковая, милая Балкида, сказала:

— О мой господин, владыка моей жизни! Я спряталась за камфорным деревом и видела всё своими глазами. Это я надоумила Бабочку, чтобы та заставила Мотылька топнуть, ибо я надеялась, что мой господин шутки ради совершит какой-нибудь волшебный поступок, который испугает цариц.

И она рассказала ему всё, что подумали, увидели и сказали царицы.

Тогда Сулейман-ибн-Дауд встал под камфорным деревом, протянул руки и в веселии сердца сказал:

— О моя госпожа, сладость моих дней, знай, что, если бы я со злости или по внушению гордости применил к царицам моё волшебство, я мог бы осрамиться опять, как осрамился тогда, когда устроил пиршество для зверей всего мира. Но благодаря твоей мудрости я стал колдовать ради шутки, чтобы немного помочь Мотыльку, и — видишь — это спасло меня от моих докучливых жён. Так объясни мне, о моя госпожа, сердце моего сердца, как же ты достигла такой мудрости?

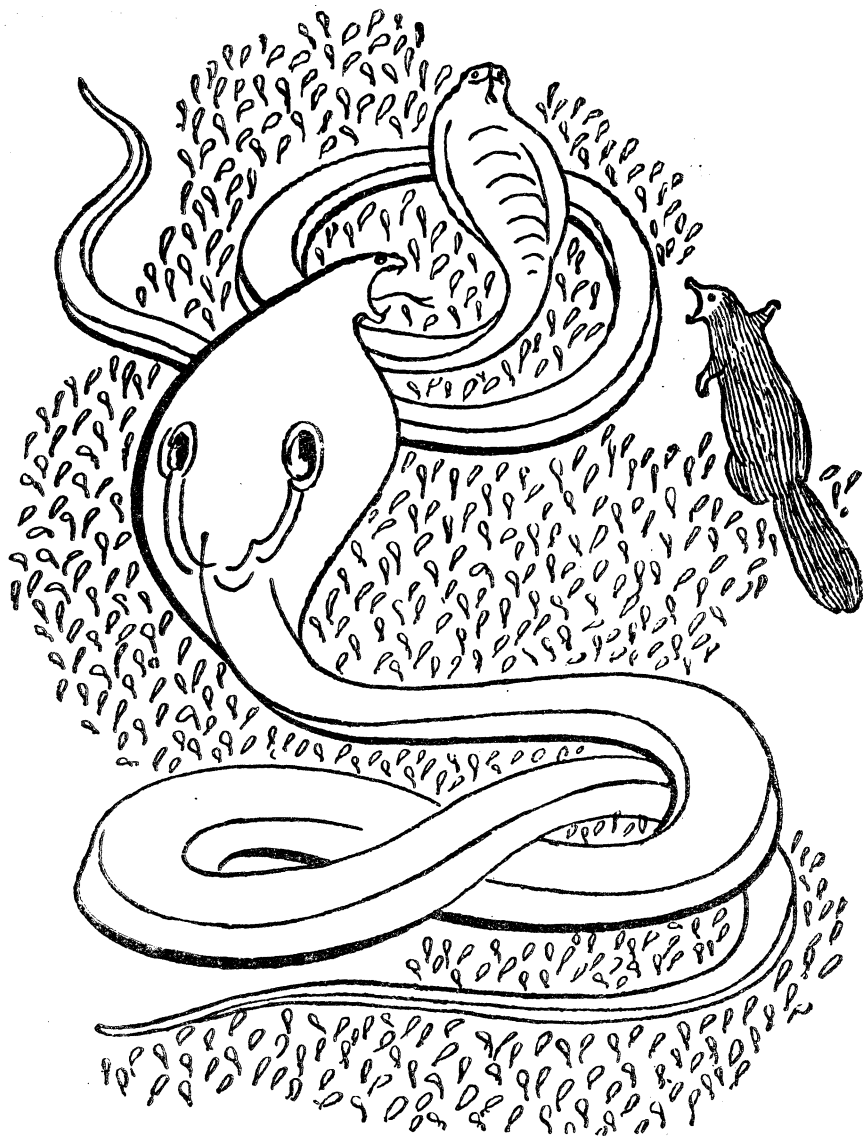
И царица Балкида, прекрасная, величавая, стройная, взглянула Сулейману-ибн-Дауду в глаза, склонилась, подобно Мотыльку, свою голову набок и ответила:

— Во-первых, о мой господин, потому что я люблю тебя; а во-вторых, о мой господин, потому что я знаю, что такое сварливые жёны.

И они пошли во дворец и жили счастливо до скончания дней.

Не правда ли, Балкида поступила умно?

Рикки-Тикки-Тави

Это рассказ о великой войне, которую вёл в одиночку Рикки-Тикки-Тави в ванной большого дома в посёлке Сигаули.

Дарзи, птица-портной, помогала ему, и Чучундра, мускусная крыса¹ — та, что никогда не выбежит на середину комнаты, а всё крадётся у самой стены, — давала ему советы. Но по-настоящему воевал он один.

Рикки-Тикки-Тави был мангуст². И хвост и мех были у него как у маленькой кошки, а голова и все повадки — как у ласочки. Глаза у него были розовые, и кончик его беспокойного носа тоже был розовый. Рикки мог почесаться где вздумается, всё равно какой лапкой: передней ли, задней ли. И так умел он распушить свой хвост, что хвост делался похожим на круглую длинную щётку. И его боевой клич, когда он мчался в высоких травах, был рикки-тикки-тикки-тикки-чк!

Он жил с отцом и матерью в узкой ложбине. Но однажды летом произошло наводнение, и вода понесла его вдоль придорожного рва. Он брыкался и барахтался как мог. Наконец ему удалось ухватиться за плывущий пучок травы, и там он держался, пока не лишился сознания. Очнулся он на горячем припёке в саду, посередине дорожки, истерзанный и грязный, а какой-то мальчик в это время сказал:

¹ Мускусная крыса (ондатра) водится главным образом в Северной Америке.

² Мангусты — мелкие хищные животные, которые водятся в тропических странах.

— Мёртвый мангуст! Давай устроим похороны!

— Нет,— сказала мальчику мать,— возьмём-ка его и обсушим. Может быть, он ещё живой.

Они внесли его в дом, и какой-то большой человек взял его двумя пальцами и сказал, что он вовсе не мёртвый, а только захлебнулся в воде. Тогда его завернули в вату и стали обогреть у огня. Он открыл глаза и чихнул.

— А теперь,— сказал Большой Человек,— не пугайте его, и мы поглядим, что он станет делать.

Нет на свете ничего труднее, как испугать мангуста, потому что он от носа до хвоста весь горит любопытством. «Беги Разузнай и Разнюхай»,— начертано на семейном гербе у мангустов, а Рикки-Тикки был чистокровный мангуст. Он всмотрелся в вату, сообразил, что она не годна для еды, обежал кругом стола, сел на задние лапки, привёл свою шёрстку в порядок, а потом вскочил мальчику на плечо.

— Не бойся, Тедди,— сказал Большой Человек.— Это он хочет с тобой подружиться.

— Ай, он щекочет мне шею! — вскрикнул Тедди.

Рикки-Тикки заглянул ему за воротник, понюхал ухо и, спустившись на пол, начал тереть себе нос.

— Вот чудеса! — сказала Теддина мать.— И это называется дикий зверёк! Верно, он оттого такой ручной, что мы были добры к нему.

— Мангусты все такие,— сказал её муж.— Если Тедди не станет поднимать его с полу за хвост и не вздумает сажать его в клетку, он поселится у нас и будет бегать по всему дому... Дадим ему чего-нибудь поесть.

Ему дали маленький кусочек сырого мяса. Мясо ему страшно понравилось. После завтрака он сейчас же побежал на веранду, присел на солнышке и распу-

шил свою щёрстку, чтобы высушить её до самых корней. И тотчас же ему стало лучше.

«В этом доме есть немало такого, что я должен разведать как можно скорее. Моим родителям за всю свою жизнь не случалось разведать столько. Останусь тут и разведу всё как есть».

Весь этот день он только и делал, что рыскал по всему дому. Он чуть не утонул в ванне, он сунулся носом в чернила и тотчас же после этого обжёг себе нос о сигару, которую курил Большой Человек, потому что взобрался к Большому Человеку на колени — посмотреть, как пишут пером на бумаге. Вечером он прибежал в Теддину спальню, чтобы проследить, как зажигаются керосиновые лампы. А когда Тедди улёгся в постель, Рикки-Тикки прикорнул возле него, но оказался беспокойным соседом, потому что при всяком шорохе вскакивал и настораживался и бежал раззнавать, в чём дело. Отец с матерью зашли перед сном проведать своего спящего сына и увидели, что Рикки-Тикки не спит, а сидит у него на подушке.

— Не нравится мне это,— сказала Теддина мать.— Что, если он укусит ребёнка?..

— Не бойся,— сказал отец.— Эта зверюшка защитит его лучше всякой собаки. Если, например, вползёт змея...

Но Теддина мать и думать не хотела о таких ужасах.

К утреннему завтраку Рикки въехал на веранду верхом на Теддином плече. Ему дали банан и кусочек яйца. Он перебивал на коленях у всех, потому что хороший мангуст никогда не теряет надежды сделаться домашним мангустом. Каждый из них с детства мечтает о том, что он будет жить в человеческом доме и бегать из комнаты в комнату.

После завтрака Рикки-Тикки выбежал в сад —

поглядеть, нет ли там чего замечательного. Сад был большой, лишь наполовину расчищенный. Розы росли в нём огромные — каждый куст как беседка, — и бамбуковые рощи, и апельсиновые деревья, и лимонные, и густые заросли высокой травы.

Рикки-Тикки даже облизнулся.

— Неплохое место для охоты! — сказал он.

И чуть только подумал об охоте, хвост у него раздулся, как круглая щётка. Он быстро обежал всю окрестность, нюхнул здесь, нюхнул там, и вдруг до него донеслись из терновника чьи-то печальные голоса. Там, в терновнике, жили Дарзи, птица-портной и его жена. У них было красивое гнездо: они сшили его из двух больших листьев тонкими волокнистыми прутиками и набили мягким пухом и хлопком. Гнездо качалось во все стороны, а они сидели на краю и громко плакали.

— Что случилось? — спросил Рикки-Тикки.

— Большое несчастье! — ответил Дарзи. — Один из наших птенчиков вывалился вчера из гнезда, и Наг проглотил его.

— Гм, — сказал Рикки-Тикки, — это очень печально... Но я тут недавно... Я нездешний... Кто такой Наг?

Дарзи и его жена юркнули в гнездо и ничего не ответили, потому что из густой травы, из-под куста слышалось негромкое шипенье — страшный, холодный звук, который заставил Рикки-Тикки отскочить назад на целых два фута. Потом из травы всё выше и выше, вершок за вершком, стала подниматься голова Нага, огромной чёрной кобры¹, — и был этот Наг пяти футов длины от головы до хвоста.

¹ Кобра — ядовитая очковая змея. Сзади, чуть ниже головы, у неё узор, похожий на очки. Когда она сердита, она раздувает шею так, что получается подобие капюшона.

Когда треть его туловища поднялась над землёй, он остановился и начал качаться, как одуванчик под ветром, и глянул на Рикки-Тикки своими злыми змеиными глазками, которые остаются всегда одинаковые, о чём бы ни думал Наг.

— Ты спрашиваешь, кто такой Наг? Смотри на меня и дрожи! Потому что Наг — это я...

И он раздул свой капюшон, и Рикки-Тикки увидел на капюшоне очковую метку, точь-в-точь как стальная петля от стального крючка.

Рикки стало страшно — на минуту. Дольше одной минуты мангусты вообще никого не боятся, и хотя Рикки-Тикки никогда не видал живой кобры, так как мать кормила его мёртвыми, он хорошо понимал, что мангусты для того и существуют на свете, чтобы сражаться со змеями, побеждать их и есть. Это было известно и Нагу, и потому в глубине его холодного сердца был страх.

— Ну так что! — сказал Рикки-Тикки, и хвост у него стал раздуваться опять. — Ты думаешь, если у тебя узор на спине, так ты имеешь право глотать птенчиков, которые выпадут из гнезда?

Наг думал в это время о другом и зорко вглядывался, не шевелится ли трава за спиной у Рикки. Он знал, что, если в саду появились мангусты, значит, и ему и всему змеиному роду скоро придёт конец. Но теперь ему было нужно усыпить внимание врага. Поэтому он чуть-чуть нагнул голову и, склонив её набок, сказал:

— Давай поговорим. Ведь птички яйца ты ешь, не правда ли? Почему бы мне не лакомиться птичками?

— Сзади! Сзади! Оглянись! — пел в это время Дарзи.

Но Рикки-Тикки хорошо понимал, что пялить глаза уже некогда. Он подпрыгнул как можно выше и

внизу под собой увидел шипящую голову Нагайны, злой жены Нага. Она подкралась сзади, покуда Наг разговаривал с ним, и хотела прикончить его. Она оттого и шипела, что Рикки ускользнул от неё. Подпрыгнувший Рикки бухнулся к ней прямо на спину, и будь он постарше, он знал бы, что теперь самое время прокусить её спину зубами: один укус — и готово! Но он боялся, как бы она не хлестнула его своим странным хвостом. Впрочем, он куснул её, но не так сильно, как следовало, и тотчас же отскокил от извивов хвоста, оставив змею разъярённой и раненой.

— Гадкий, гадкий Дарзи! — сказал Наг и вытянулся вверх сколько мог, чтобы достать до гнезда, висевшего на терновом кусте.

Но Дарзи нарочно построил своё гнездо так высоко, чтобы змеи не достали до него, и гнездо только качнулось на ветке.

Рикки-Тикки чувствовал, что глаза у него становятся всё краснее и жарче, а когда глаза у мангуста краснеют, это значит — он очень сердит. Он сел на хвост и на задние лапы, как маленький кенгурёнок, и, поглядев во все стороны, затараторил от ярости. Но воевать было не с кем: Наг и Нагайна юркнули в траву и исчезли. Когда змее случится промахнуться, она не говорит ни единого слова и не показывает, что она собирается делать. Рикки-Тикки даже не пытался преследовать врагов, так как не был уверен, может ли справиться с обоими сразу. Он побежал рысцой по направлению к дому, сел на песчаной тропинке и глубоко задумался. Да и было о чём.

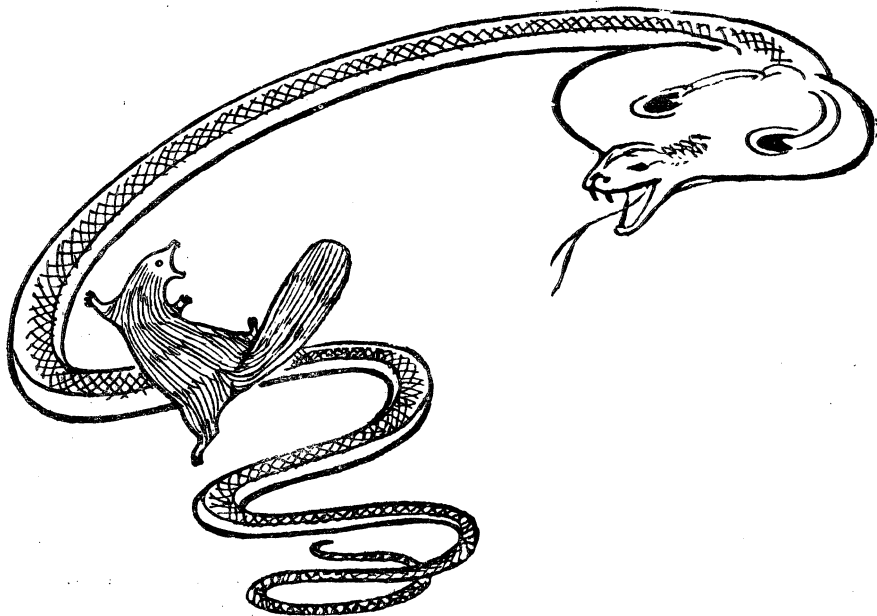
Когда тебе случится читать старые книги о разных животных, ты прочтёшь, будто ужаленный змеей мангуст тотчас же убегает прочь и съедает какую-то травку, которая будто бы лечит его от укуса. Это неверно.

Победа мангуста над коброй — в быстроте его глаз и лап. У кобры — укус, у мангуста — прыжок.

И так как никакому глазу не уследить за движением змеиной головы, когда она хочет ужалить, этот прыжок мангуста чудеснее всякой волшебной травы.

Рикки-Тикки хорошо понимал, что он ещё молодой и неопытный. Оттого ему было так радостно думать, что он изловчился увильнуть от нападения сзади. Он почувствовал большое уважение к себе, и, когда по садовой дорожке подбежал к нему Тедди, он был не прочь позволить мальчугану, чтобы тот погладил его. Но как раз в ту минуту, когда Тедди нагнулся над ним, что-то мелькнуло, извиваясь, в пыли, и тоненький голосок произнёс: «Берегись! Я — Смерть!» Это была Карайт, пыльно-серая змейка, которая любит

валяться в песке. Жало у неё такое же ядовитое, как у кобры, но оттого, что она маленькая, никто не замечает её, и таким образом она приносит людям ещё больше вреда.

Глаза у Рикки-Тикки опять стали красные, и он, приплясывая, подбежал к Карайт той особенной, неровной походкой враскачку, которую унаследовал от своих прародителей. Походка забавная, но очень удобная, потому что даёт вам возможность сделать прыжок под каким угодно углом. А когда имеешь дело со змеями, это важнее всего. Поединок с Карайт был ещё опаснее для Рикки, чем сражение с Нагом, потому что Карайт такая маленькая, такая юркая и ловкая змейка, что, если только Рикки не вопьётся в неё сзади зубами чуть пониже головы, Карайт непременно ужалит его либо в глаз, либо в губу.

Впрочем, Рикки этого не знал. Глаза у него совсем покраснели, он уже ни о чём не раздумывал — он шёл и раскачивался взад и вперёд, выискивая, куда ему лучше вонзиться зубами. Карайт налетела на него. Рикки отскочил вбок и хотел было её укусить, но проклятая пыльно-серая головка очутилась у самого его затылка, и, чтобы сбросить её со спины, ему пришлось перекувырнуться в воздухе. Она не отставала и мчалась за ним по пятам.

Тедди повернулся к дому и крикнул:

— Идите посмотрите: наш мангуст убивает змею!

И Рикки-Тикки услышал, как взвизгнула Теддина мать. Отец мальчика выбежал с палкой, но как раз в это время Карайт сделала неудачный рывок — дальше, чем нужно, — и Рикки-Тикки вскочил на неё и впился зубами чуть ниже её головы, а потом откатился прочь. Карайт сразу перестала шевелиться, и Рикки-Тикки уже приготовился съесть её, начиная с хвоста (таков обеденный обычай у мангустов), когда он вспомнил, что мангусты от сытной еды тяжелеют и что, если он хочет сохранить свою ловкость и силу, он должен оставаться худым. Он отошёл прочь и стал кувыркаться в пыли под кустом клещевины, а Теддин отец набросился с палкой на мёртвую.

«К чему это? — думал Рикки. — Ведь я уже прикончил её».

И тут к Рикки-Тикки подбежала Теддина мать, подняла его прямо с пыли и стала крепко прижимать к себе, крича, что он спас её сына от смерти, а Тедди сделал большие глаза, и в его глазах был испуг. Суматоха понравилась Рикки, но из-за чего она произошла, он, конечно, не мог понять. За что они так ласкают его? Ведь для него драться со змеями то же самое, что для Тедди кувыркаться в пыли — одно удовольствие.

Когда сели обедать, Рикки-Тикки, гуляя по скатерти среди стаканов и рюмок, мог бы трижды набить себе брюхо самыми вкусными лакомствами, но он помнил о Наге и Нагайне, и хотя ему было очень приятно, что Теддина мать тискает и гладит его и что Тедди сажает его к себе на плечо, но глаза у него то и дело краснели, и он испускал свой воинственный клич рикки-тикки-тикки-тикки-чк!

Тедди взял его к себе в постель. Мальчику непременно хотелось, чтобы Рикки спал у него под самым подбородком, на груди. Рикки был благовоспитанный мангуст и не мог ни укусить, ни оцарапать его, но, чуть только Тедди заснул, он спустился с постели и пошёл путешествовать по дому.

В потёмках он наткнулся на мускусную крысу Чучундру, которая кралась поближе к стене.

У Чучундры разбитое сердце. Она хнычет и поет всю ночь и всё хочет набраться храбрости, чтобы выбежать на середину комнаты. Но храбрости у неё никогда не хватает.

— Не губи меня, Рикки-Тикки! — закричала она и чуть не заплакала.

— Кто убивает змею, станет ли возиться с какой-то мускусной крысой! — презрительно ответил Рикки-Тикки.

— Убивающий змею от змеи и погибнет! — ещё печальнее сказала Чучундра. — И кто знает, не убьёт ли меня Наг по ошибке? Он подумает, что я — это ты...

— Ну, этого он никогда не подумает! — сказал Рикки-Тикки. — К тому же он в саду, а ты там никогда не бываешь.

— Моя двоюродная сестра — крыса Чуа говорила мне... — начала Чучундра и смолкла.

— Что же она говорила?

— Тсс... Наг вездесущий — он всюду. Ты бы сам поговорил с моей сестрой в саду.

— Но я её не видел. Говори же! Да поскорее, Чучундра, а не то я тебя укушу.

Чучундра уселась на корточки и начала плакать.

Плакала она долго, слёзы текли у неё по усам.

— Я такая несчастная! — рыдала она. — У меня никогда не хватало духу выбежать на середину комнаты. Тссс! Но разве ты не слышишь, Рикки-Тикки? Уж лучше мне не говорить ничего.

Рикки-Тикки прислушался. В доме была тишина, но ему показалось, что до него еле-еле доносится тихое, еле слышное ш-ш-ш, как будто по стеклу прошла оса. Это шуршала змеинная чешуя на кирпичном полу.

«Или Наг, или Нагайна! — решил он. — Кто-то из них ползёт по водосточному жёлобу в ванную...»

— Верно, Чучундра. Жаль, что я не потолковал с твоей Чуа.

Он прокрался в Теддину умывальную комнату, но там не оказалось никого. Оттуда он пробрался в умывальную комнату Теддиной матери. Там в оштукатуренной гладкой стене у самого пола был вынут кирпич для водосточного жёлоба, и, когда Рикки пробирался по каменному краю того углубления, в которое вставлена ванна, он услышал, как за стеной в лунном сиянии шепчутся Наг и Нагайна.

— Если в доме не станет людей, — говорила Нагайна мужу, — он тоже уйдёт оттуда, и сад опять будет наш. Иди же, не волнуйся и помни, что первым ты должен ужалить Большого Человека, который убил Карайт. А потом возвращайся ко мне, и мы вдвоём прикончим Рикки-Тикки.

— Но будет ли нам хоть малейшая польза, если мы убьём их?

— Ещё бы! Огромная. Когда дом стоял пустой, разве тут водились мангусты? Покуда в доме никто не живёт, мы с тобою цари всего сада: ты царь, я царица. И не забудь, что когда на дынной гряде вылупятся из яиц наши дети (а это может случиться и завтра), им будет нужен покой и уют.

— Об этом я и не подумал,— сказал Наг.— Хорошо, я иду. Но, кажется, нет никакого смысла вызывать на бой Рикки-Тикки. Я убью Большого Человека и его жену, а также, если мне удастся, его сына и уползу потихоньку. Тогда дом опустеет, и Рикки-Тикки сам уйдёт отсюда.

Рикки-Тикки весь дрожал от негодования и ярости.

В отверстие просунулась голова Нага, а за нею пять футов его холодного туловища. Рикки-Тикки хоть и был взбешён, но всё же пришёл в ужас, когда увидел, какая огромная эта кобра. Наг свернулся в кольцо, поднял голову и стал вглядываться в темноту ванной комнаты. Рикки-Тикки мог видеть, как мерцают его глаза.

«Если я убью его сейчас,— соображал Рикки-Тикки,— об этом немедленно узнает Нагайна. Драться же в открытом месте мне очень невыгодно: Наг может меня одолеть. Что мне делать?»

Наг раскачивался вправо и влево, а потом Рикки-Тикки услышал, как он пьёт воду из большого кувшина, который служил для наполнения ванны.

— Чудесно! — сказал Наг, утолив жажду.— У Большого Человека была палка, когда он выбежал, чтобы убить Карайт. Быть может, эта палка при нём и сейчас. Но когда нынче утром он придёт сюда умываться, он будет, конечно, без палки... Нагайна, ты слышишь меня?.. Я подожду его здесь в холодке до рассвета...

Нагу никто не ответил, и Рикки-Тикки понял, что Нагайна ушла. Наг обвился вокруг большого кувшина у самого пола и заснул. А Рикки-Тикки стоял тихо, как смерть. Через час он начал подвигаться к кувшину — мускул за мускулом. Рикки всматривался в широкую спину Нага и думал, куда бы вонзиться зубами.

«Если я в первый же миг не перекушу ему шею, у него всё ещё хватит силы бороться со мной, а если он будет бороться — о Рикки!»

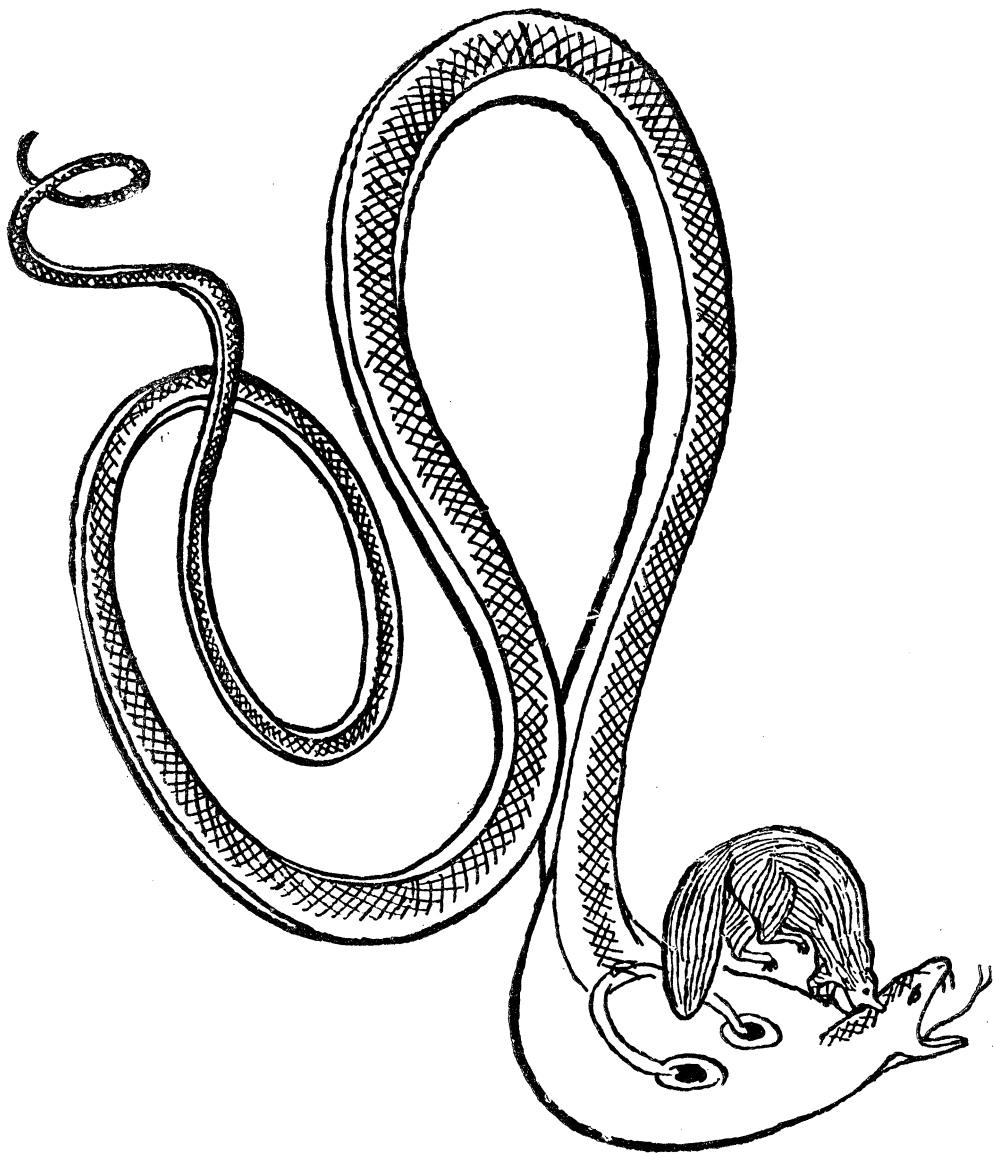
Он поглядел, какая толстая шея у Нага, — нет, ему с такой шеей не справиться. А укусить где-нибудь поближе к хвосту — только раззадорить врага.

«Остаётся голова! — решил он. — Голова над самым капюшоном. И уж если вцепиться в неё, так не выпускать ни за что».

Он сделал прыжок. Голова змеи лежала чуть-чуть на отлёте; прокусив её зубами, Рикки-Тикки мог упереться спиной в выступ глиняного кувшина и не дать голове подняться с земли. Таким образом он выигрывал только секунду, но этой секундой он отлично воспользовался. А потом его подхватило и брякнуло оземь, и стало мотать во все стороны, как крысу мотает собака, и вверх и вниз, и большими кругами, но глаза у него были красные, и он не отстал от змеи, когда она молотила им по полу, расшвыривая в разные стороны жестяные ковшики, мельницы, щётки, и била его о края металлической ванны.

Он сжимал челюсти всё крепче и крепче, потому что хоть и думал, что пришла его смерть, но решил встретить её, не разжимая зубов. Этого требовала честь его рода.

Голова у него кружилась, его тошнило, и он чувствовал себя так, будто весь был разбит на куски. Вдруг у него за спиной словно ударил гром, и горячий вихрь

налетел на него и сбил его с ног, а красный огонь опалил ему шерстку. Это Большой Человек, разбуженный шумом, прибежал с охотничьим ружьём, выстрелил сразу из обоих стволов и попал Нагу в то место, где кончается его капюшон. Рикки-Тикки лежал не разжимая зубов, и глаза у него были закрыты, так как он считал себя мёртвым.

Но змеиная голова уже больше не двигалась. Большой Человек поднял Рикки с земли и сказал:

— Смотри, опять наш мангуст. В эту ночь, Элис, он спас от смерти нас — и тебя, и меня.

Тут вошла Теддина мать с очень белым лицом и увидела, что осталось от Нага. А Рикки-Тикки кое-как дотащился до Теддиной спальни и всю ночь только и делал, что встряхивался, как бы желая проверить, правда ли, что его тело разбито на сорок кусков, или это ему только так показалось в бою.

Когда пришло утро, он весь как бы закоченел, но был очень доволен своими подвигами.

«Теперь я должен прикончить Нагайну, а это труднее, чем справиться с дюжиной Нагов... А тут ещё эти яйца, о которых она говорила. Я даже не знаю, когда из них вылупятся змеёныши... Чёрт возьми! Пойду и потолкую с Дарзи».

Не дожидаясь завтрака, Рикки-Тикки со всех ног бросился к терновому кусту. Дарзи сидел в гнезде и что есть мочи распевал весёлую победную песню. Весь сад уже знал о гибели Нага, потому что уборщик швырнул его тело на свалку.

— Ах ты глупый пучок перьев! — сказал Рикки-Тикки сердито. — Разве теперь время для песен?

— Умер, умер, умер Наг! — заливался Дарзи. — Смелый Рикки-Тикки впился в него зубами! А Большой Человек принёс палку, которая делает бам, и

перебил Нага надвое, надвое, надвое! Никогда уже Нагу не пожирать моих деток!

— Всё это так, — сказал Рикки-Тикки. — Но где же Нагайна? — И он внимательно огляделся вокруг.

А Дарзи продолжал заливаться:

Нагайна пришла к водосточной трубе,
И кликнула Нага Нагайна к себе,
Но сторож взял Нага на палку
И выбросил Нага на свалку.
Славься же, славься, великий
Красноглазый герой Рикки-Тикки!..

И Дарзи снова повторил свою победную песню.

— Достать бы мне до твоего гнезда, я бы вышвырнул оттуда всех птенцов! — закричал Рикки-Тикки. — Или ты не знаешь, что всё в своё время? Тебе хорошо распевать наверху, а мне здесь внизу не до песен: нужно снова идти воевать! Перестань же петь хоть на минуту.

— Хорошо, я готов замолчать для тебя — для героя, для прекрасного Рикки! Что угодно Победителю Свирепого Нага?

— В третий раз тебя спрашиваю: где Нагайна?

— Над мусорной кучей она у конюшни, рыдает о Наге она... Велик белозубый Рикки!..

— Оставь мои белые зубы в покое! Не знаешь ли ты, где она спрятала яйца?

— У самого края, на дынной гряде, под забором, где солнце весь день до заката... Много недель миновало с тех пор, как зарыла она эти яйца...

— И ты даже не подумал сказать мне об этом! Так под забором у самого края?

— Рикки-Тикки не пойдёт же глотать эти яйца!

— Нет, не глотать, но... Дарзи, если у тебя осталась хоть капля ума, лети сейчас же к конюшне и сде-

лай вид, что у тебя перебито крыло, и пусть Нагайна гонится за тобой до этого куста, понимаешь? Мне надо пробраться к дынной гряде, а если я пойду туда сейчас, она заметит.

Ум у Дарзи был птичий, в его крошечной головке никогда не вмещалось больше одной мысли сразу. И, так как он знал, что дети Нагайны выводятся, как и его птенцы, из яиц, ему подумалось, что истреблять их не совсем благородно. Но его жена была умнее. Она знала, что каждое яйцо кобры это та же кобра, и потому она тотчас же вылетела вон из гнезда, а Дарзи оставила дома: пусть греет малюток и горланит свои песни о гибели Нага. Дарзи был во многом похож на всякого другого мужчину.

Прилетев на мусорную кучу, она стала егозить в двух шагах от Нагайны и при этом горько кричала:

— Ой, у меня перебито крыло! Мальчишка, живущий в доме, бросил в меня камнем и перебил мне крыло!

И она ещё отчаяннее захлопала крыльями.

Нагайна подняла голову и зашипела:

— Это ты дала знать Рикки-Тикки, что я хочу ужалить его? Плохое же ты выбрала место хромать!

И она скользнула по пыльной земле к жене Дарзи.

— Мальчишка перебил его камнем! — продолжала кричать жена Дарзи.

— Ладно, может быть, тебе будет приятно узнать, что, когда ты умрёшь, я разделаюсь с этим мальчишкой по-своему. Сегодня с самого рассвета мой муж лежит на этой мусорной куче, но ещё до заката мальчишка, живущий в доме, тоже будет лежать очень тихо... Но куда же ты? Не думаешь ли ты убежать? Всё равно от меня не уйдёшь. Глупая, погляди на меня!

Но жена Дарзи хорошо знала, что этого-то ей и не

следует делать, потому что стоит только какой-нибудь птице глянуть змее в глаза, как на птицу с перепугу нападает столбняк и она не может шевельнуться. Жена Дарзи рванулась прочь, жалобно попискивая и беспомощно хлопая крыльями. Над землёй она не вспорхнула ни разу, а Нагайна мчалась за ней всё быстрее.

Рикки-Тикки услышал, что они бегут от конюшни по садовой дорожке, и кинулся к дынной гряде, к тому краю, что у самого забора. Там в разопрелой земле, покрывающей дыни, он отыскал двадцать пять змеиных яиц, очень искусно припрятанных,— каждое такой величины как яйцо бантамки¹, только вместо скорлупы они покрыты белёсой кожурой.

— Ещё день, и было бы поздно! — сказал Рикки-Тикки, так как он увидел, что внутри кожуры лежали, свернувшись, крошечные кобры.

Он знал, что с той самой минуты, как они вылупятся из яйца, каждая может убить человека и мангуста. Он принялся быстро-быстро надкусывать верхушки яиц, прихватывая при этом головки змеёнышей, и в то же время не забывал раскапывать гряду то там, то здесь, чтобы не пропустить какого-нибудь яйца незамеченным.

Осталось всего три яйца, и Рикки-Тикки начал уже хихикать от радости, когда жена Дарзи закричала ему:

— Рикки-Тикки, я заманила Нагайну к дому, и Нагайна поползла на веранду! О, скорее, скорее! Она замышляет убийство!

Рикки-Тикки надкусил ещё два яйца, а третье взял в зубы и помчался к веранде.

Тедди, его мать и отец сидели на веранде за зав-

¹ Бантамка — курица мелкой породы.

траком. Но Рикки-Тикки заметил, что они ничего не едят. Они сидели неподвижно, как каменные, и лица у них были белые. А на циновке у самого Теддиного стула извивалась кольцами Нагайна. Она подползла так близко, что могла во всякое время ужалить голую ногу Тедди. Раскачиваясь в разные стороны, она пела победную песню.

— Сын Большого Человека, убившего Нага,— шипела она, — подожди немного, сиди и не двигайся. Я ещё не готова. И вы все трое сидите потише. Если вы шевельнётесь, я ужалю его. Если вы не шевельнётесь, я тоже ужалю. О глупые люди, убившие Нага!

Тедди не отрываясь впился глазами в отца, а отец только и мог прошептать:

— Сиди и не двигайся, Тедди. Сиди и не двигайся!

Тут подбежал Рикки-Тикки и крикнул:

— Повернись ко мне, Нагайна, повернись и давай сражаться!

— Всё в своё время! — отвечала она, не глядя на Рикки-Тикки. — С тобой я расквитаюсь потом. А куда погляди на своих милых друзей. Как они притихли и какие у них белые лица! Они испугались, они не смеют шелохнуться. И если ты сделаешь хоть один шаг, я ужалю.

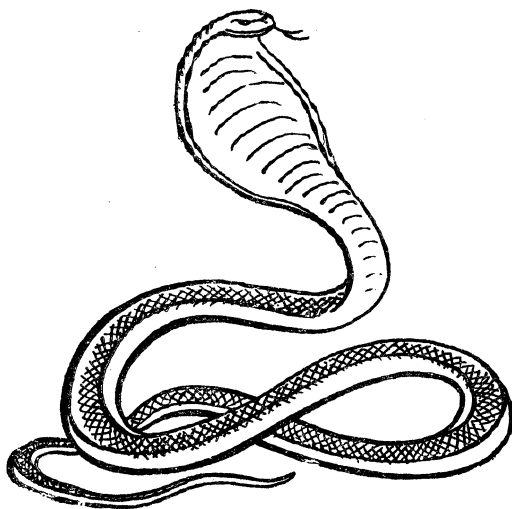
— Погляди на своих змеёнышей, — сказал Рикки-Тикки, — там у забора, на дынной гряде. Ступай и погляди, что случилось с ними.

Змея глянула вбок и увидела на веранде яйцо.

— О! Дай его мне! — закричала она.

Рикки-Тикки положил яйцо между передними лапами, и глаза у него стали красны, как кровь.

— А какой выкуп за змеиное яйцо? За маленькую кобру? За кобру-царевну? За самую, самую последнюю в роде? Остальных уже пожирают на дынной гряде муравьи.

Нагайна повернулась к Рикки-Тикки. Яйцо заставило её позабыть обо всём, и Рикки-Тикки видел, как Теддин отец протянул большую руку, схватил Тедди за плечо и протащил его по столу, уставленному чайными чашками, в такое место, где змея не достанет его.

— Обманул! Обманул! Обманул! Рикк-чк-чк! — дразнил её Рикки-Тикки.— Мальчик остался цел, а я, я, я нынче ночью схватил твоего Нага за шиворот... там, в ванной комнате... да!

Тут он начал прыгать вверх и вниз всеми четырьмя лапами сразу, сложив их в один пучок и прижимаясь головой к полу.

— Наг размахивал мной во все стороны, но не мог стряхнуть меня прочь! Он уже был неживой, когда Большой Человек расшиб его палкою надвое. Убил его я, Рикки-Тикки-чк-чк! Выходи же, Нагайна! Вы-

ходи и сразись со мною. Тебе недолго оставаться вдовой.

Нагайна увидела, что Тедди ей уже не убить, а яйцо лежит у Рикки-Тикки между лапами.

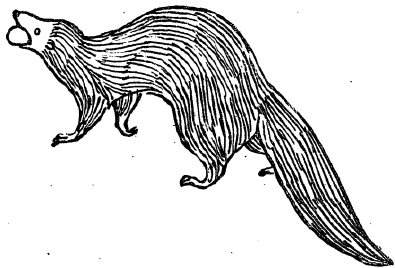
— Отдай мне яйцо, Рикки-Тикки! Отдай мне моё последнее яйцо, и я уйду и не вернусь никогда,— сказала она, опуская свой капюшон.

— Да, ты уйдёшь и никогда не вернёшься, Нагайна, потому что тебе скоро лежать рядом с твоим Нагом на мусорной куче. Скорее же сражайся со мною! Большой Человек уже пошёл за ружьём. Сражайся же со мною, Нагайна!

Рикки-Тикки егозил вокруг Нагайны на таком расстоянии, чтобы она не могла его тронуть, и его маленькие глазки были как раскалённые угли.

Нагайна свернулась в клубок и что есть силы налетела на него. А он отскочил вверх — и назад. Снова, и снова, и снова повторялись её нападения, и всякий раз её голова хлопалась с размаху о циновку, и она снова свёртывалась, как часовая пружина. Рикки-Тикки плясал по кругу, желая обойти её сзади, но Нагайна всякий раз поворачивалась, чтобы встретить его лицом к лицу, и оттого её хвост шуршал на циновке, как сухие листья, гонимые ветром.

Он и забыл про яйцо. Оно всё ещё лежало на веранде, и Нагайна подкрадывалась к нему ближе и ближе. И наконец, когда Рикки остановился, чтобы перевести дух, она подхватила яйцо и, скользнув со ступеней веранды, понеслась как стрела по дорожке. Рикки-Тикки — за нею. Когда кобра убегает от смерти, она делает такие

извивы, как хлыст, которым стегают лошадиную шею.

Рикки-Тикки знал, что он должен настигнуть её, иначе все тревоги начнутся опять. Она неслась к терновнику, чтобы юркнуть в густую траву, и Рикки-Тикки, пробегая, услышал, что Дарзи всё ещё распевает свою глупую победную песню. Но жена Дарзи была умнее его. Она вылетела из гнезда и захлопала крыльями над головой Нагайны. Если бы Дарзи прилетел ей на помощь, они, может быть, заставили бы кобру свернуть. Теперь же Нагайна только чуть-чуть опустила свой капюшон и продолжала ползти напрямик. Но эта лёгкая заминка приблизила к ней Рикки-Тикки. Когда она шмыгнула в нору, где жили она и Наг, белые зубы Рикки вцепились ей в хвост, и Рикки протиснулся туда вслед за нею, а, право, не всякий мангуст, даже самый умный и старый, решится последовать за коброй в нору. В норе было темно, и Рикки-Тикки не мог угадать, где она расширится настолько, что Нагайна повернётся и ужалит его. Поэтому он яростно впился в её хвост и, действуя лапками, как тормозами, изо всех сил упирался в покатую, мокрую, тёплую землю.

Вскоре трава перестала качаться у входа в нору, и Дарзи сказал:

— Пропал Рикки-Тикки! Мы должны спеть ему похоронную песню. Бесстрашный Рикки-Тикки погиб. Нагайна убьёт его в своём подземелье, в этом нет никакого сомнения.

И он запел очень печальную песню, которую сочинил в тот же миг, но, едва он дошёл до самого грустного места, трава над норой зашевелилась опять, и оттуда, весь покрытый грязью, выкарабкался, облизывая усы, Рикки-Тикки. Дарзи вскрикнул негромко и прекратил свою песню.

Рикки-Тикки стряхнул с себя пыль и чихнул.

— Всё кончено, — сказал он. — Вдова никогда уже не выйдет оттуда.

И красные муравьи, что живут между стеблями трав, немедленно стали спускаться в нору друг за другом, чтобы разведать, правду ли он говорит.

Рикки-Тикки свернулся клубком и тут же, в траве, не сходя с места, заснул — и спал, и спал, и спал до самого вечера, потому что нелегка была его работа в тот день.

А когда он пробудился от сна, он сказал:

— Теперь я пойду домой. Ты, Дарзи, сообщи кузнецу, а он сообщит всему саду, что Нагайна уже умерла.

Кузнец — это птица. Звуки, которые она производит, совсем как удары молоточка по медному тазу. Это потому, что она служит глашатаем в каждом индийском саду и сообщает новости всякому, кто желает слушать её.

Идя по садовой дорожке, Рикки-Тикки услышал её первую трель, как удары в крошечный обеденный гонг. Это значило: «Молчите и слушайте!» А потом громко и твёрдо:

— Динг-донг-ток! Наг умер! Донг! Нагайна умерла! Динг-донг-ток!

И тотчас же все птицы в саду запели и все лягушки заквакали, потому что Наг и Нагайна пожирали и птиц и лягушек.

Когда Рикки приблизился к дому, Тедди, и Теддина мать (она всё ещё была очень бледна), и Теддин отец бросились ему навстречу и чуть не заплакали. На этот раз он наелся как следует, а когда настало время спать, он уселся на Теддино плечо и отправился в постель вместе с мальчиком. Там увидела его Теддина мать, придя проведать сына поздно вечером.

— Это наш спаситель! — сказала она мужу. — Подумай только: он спас и Тедди, и тебя, и меня.

Рикки-Тикки тотчас же проснулся и даже подпрыгнул, потому что сон у мангустов очень чуткий.

— А, это вы! — сказал он. — Чего же вам ещё беспокоиться: ни одной кобры не осталось в живых, а если бы они и остались — ведь я тут.

Рикки-Тикки имел право гордиться собою. Но всё же он не слишком заважничал и, как истый мангуст, охранял этот сад и зубом, и когтем, и прыжком, и наскоком, так что ни одна кобра не смела сунуться сюда через ограду.

Хвалебная песнь,

*которую птичка-портняжка Дарзи пела
во славу Рикки-Тикки-Тави*

Жизнью живу я двойной:

В небе я песни пою,

Здесь, на земле, я портной —

Домик из листьев я шью.

Здесь, на земле, в небесах над землёю

Вью я, и шью, и пою!

Радуйся, нежная мать:

В битве убийца убит.

Пой над птенцами опять,

Недруг в могилу зарыт.

Злой кровопийца, таившийся в розах,

Пойман, убит и зарыт!

Кто он, избавивший нас?

Имя его мне открой.

Рикки — сверкающий глаз,

Тикки — бесстрашный герой,

Рик-Тикки-Тикки, герой наш великий,

Наш огнеглазый герой!

Хвост пред героем развей.

Трель вознеси к небесам.

Пой ему, пой, соловей!

Нет, я спою ему сам.

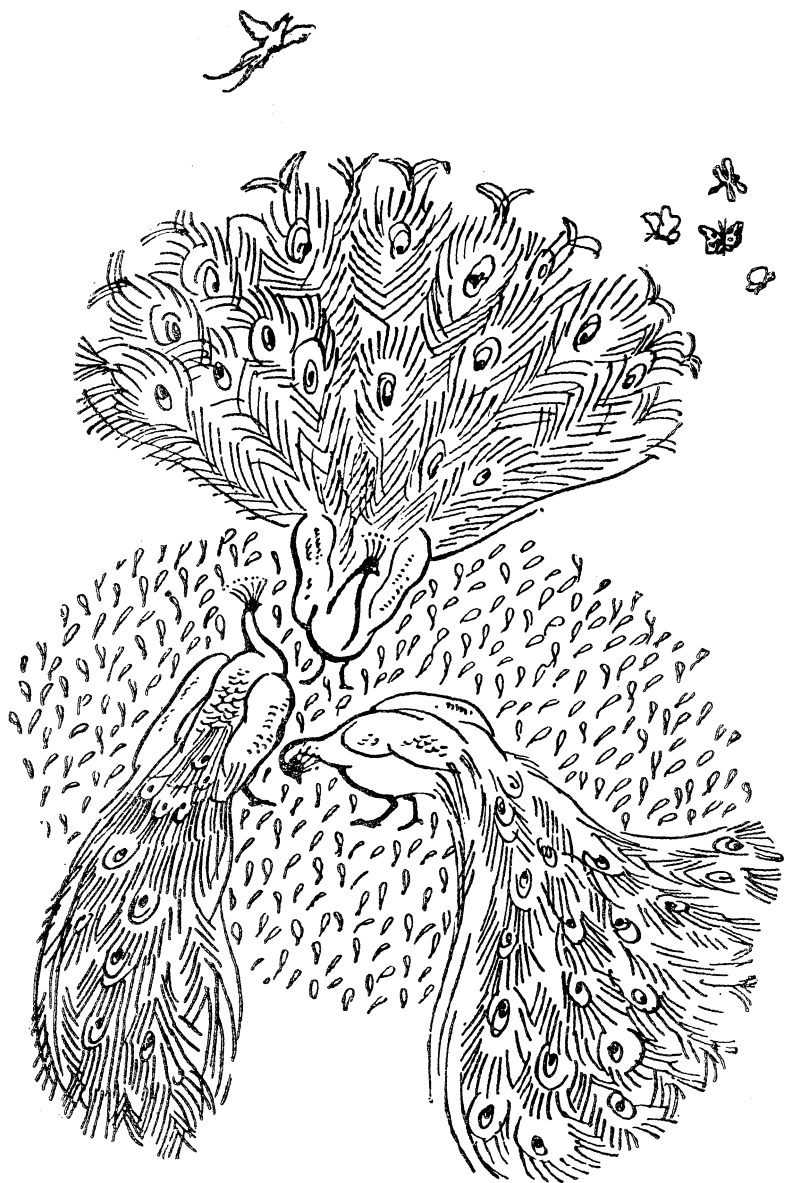
Славу пою я великому Рикки,

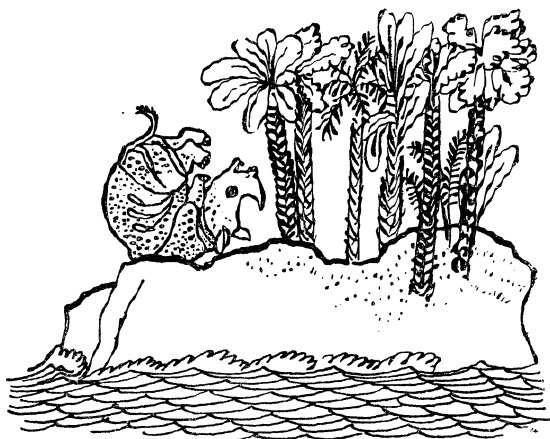
Когтям его смелым, клыкам его белым

И огненно-красным глазам!

(Здесь песня обрывается, потому что Рикки-Тикки-Тави помешал певцу продолжать её.)

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Откуда у Кита такая глотка	3
Отчего у Верблюда горб	11
Откуда у Носорога шкура	19
Слонёнок	23
Откуда взялись Броненосцы	39
Как было написано первое письмо	55
Кошка, гулявшая сама по себе	75
Мотылёк, который топнул ногой	97
Рикки-Тикки-Тави	115

П Е Р Е И З Д А Н И Е

Библиотечная серия
ДЛЯ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

Редьярд Джозеф Киплинг

С К А З К И

Ответственный редактор
Н. В. Шерешевская.
Художественный редактор
Н. Э. Левинская.
Технический редактор
В. К. Егорова.

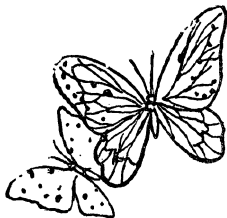
Корректоры

З. В. Зайцева и Э. Л. Лофенфельд.

Сдано в набор 20/XI 1974 г. Подпи-
сано к печати 13/III 1975 г. Формат
60×84¹/₈. Бум. типогр. № 1. Печ. л. 9.
Усл. печ. л. 8,37. Уч.-изд. л. 6,76.
Тираж 150 000 экз. Заказ № 3774.

Цена 37 коп.

Ордена Трудового Красного Знаме-
ни издательство «Детская литера-
тура», Москва, Центр, М. Черкас-
ский пер., 1. Ордена Трудового
Красного Знамени фабрика «Дет-
ская книга» № 1 Росглаволиграф-
прома Государственного комитета
Совета Министров РСФСР по де-
лам издательств, полиграфии и
книжной торговли. Москва, Суще-
вский вал, 49.

Киплинг Р.

К42 Сказки. Переизд. Пер. с англ. К. Чуковского.
Стихи в пер. С. Маршака. Рис. В. Дувидова. М.,
«Дет. лит.», 1975.

143 с. с ил.

Сборник лучших сказок классика английской литературы в пере-
воде К. Чуковского и несколько стихотворений в переводе С. Маршака.

К 70802—318
М101(03)75 374—75

И (Англ)

Цена 37 коп.